

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

19 декабря 2023 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление “О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания”, проект которого обсуждался на заседании Пленума, состоявшемся с использованием веб-конференции 21 ноября 2023 г. под председательством **В.М. Лебедева** — Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

С докладом по этому вопросу выступила судья Верховного Суда Российской Федерации **И.Г. Кочина**, которая отметила, что постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, полностью посвященное разъяснениям только вопросов, связанных с применением законодательства об отсрочке отбывания уголовного наказания, подготовлено впервые. Проект постановления содержит разъяснения положений статей 82 и 82¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 398 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о применении отсрочки в отношении беременных, женщин и мужчин, имеющих детей в возрасте до 14 лет, а также лиц, страдающих наркоманией.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях отмечал, что нормы данного института направлены на обеспечение интересов семьи и несовершеннолетних. Не применяя реальное наказание, государство проявляет заботу и о женщинах, и о малолетних детях, и об одиноких родителях, предоставляя возможность сохранения семьи и надлежащих условий для воспитания детей.

Целям гуманизации уголовного законодательства также отвечает и механизм предоставления отсрочки отбывания наказания лицам, страдающим наркоманией, которым впервые назначено наказание в виде лишения свободы за преступления небольшой тяжести в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Предоставление таким лицам возможности не отбывать реальное лишение свободы создает дополнительный стимул для добросовестного прохождения курса лечения и последующей социальной адаптации.

Разъяснения некоторых положений статей 82, 82¹ УК РФ ранее давались в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, однако они не охватывали всех вопросов, возникающих у судов при применении института отсрочки.

В представленном проекте предлагается комплексный подход к разрешению всех проблем применения от-

срочки отбывания наказания, возникающих как на стадии постановления приговора, так и в ходе его исполнения.

Данный проект разработан по результатам обобщения судебной практики, с учетом вопросов и предложений, поступивших из судов. В работе над текстом проекта и в обсуждении принимали участие представители Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, общественных организаций и вузов, члены Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации. На проект получены отзывы областных и равных им судов, апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, проект изучался в судебных составах Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации и обсуждался на совещаниях. Все высказанные замечания и предложения максимально учтены.

Докладчик отметила, что, согласно статистическим данным, отсрочка отбывания наказания как в отношении беременных, женщин и мужчин, имеющих детей, так и в отношении лиц, страдающих наркоманией, применяется судами достаточно редко. В немалой степени это объясняется сложностью толкования применяемых положений закона. Именно поэтому в обсуждаемом проекте постарались учесть все предложения судов и ответить на все их вопросы, в связи с чем есть уверенность в том, что постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации будет способствовать не только единообразному, но и более активному применению поощрительных норм, регламентирующих отсрочку отбывания наказания.

В прениях по докладу выступили: **Д.В. Сопов** — заместитель председателя Орловского областного суда, **И.В. Ткачев** — заместитель Генерального прокурора Российской Федерации, **Н.Е. Крылова** — профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент.

В работе Пленума приняли участие: **В.В. Федоров** — заместитель Министра юстиции Российской Федерации, **В.С. Груздев** — председатель Правления Ассоциации юристов России.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 47
ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 19 декабря 2023 г.

**О практике применения судами законодательства
об отсрочке отбывания наказания**

В связи с вопросами, возникшими у судов при применении законодательства об отсрочке отбывания наказания, и в целях обеспечения единства судебной практики Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет дать судам следующие разъяснения.

1. Применение судами на основании статьи 82 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее также — УК РФ) отсрочки отбывания наказания направлено на обеспечение соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних и заключается в предоставлении осужденному возможности своим поведением доказать исправление без реального отбывания назначенного наказания при условии надлежащего ухода за ребенком, его воспитания и всестороннего развития.

Отсрочка отбывания наказания в соответствии со статьей 82¹ УК РФ призвана обеспечить лицам, признанным больными наркоманией, возможность прохождения лечения и реабилитации в условиях, не связанных с лишением свободы, и состоит во временном освобождении от отбывания наказания в виде реального лишения свободы осужденного, признанного больным наркоманией, в случае его согласия пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую и социальную реабилитацию, при успешном прохождении которых такой осужденный освобождается от отбывания наказания или оставшейся его части.

2. Отсрочка отбывания наказания применяется судом как при постановлении приговора (пункт 8 части 1 статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), так и в порядке его исполнения (отсрочка исполнения приговора — пункты 2 и 4 части 1 статьи 398 УПК РФ), при наличии оснований, предусмотренных частью 1 статьи 82 или частью 1 статьи 82¹ УК РФ.

3. Отбывание наказания согласно статье 82 УК РФ может быть отсрочено беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до четырнадцати лет, если он является единственным родителем. При этом единственным родителем следует считать мужчину в случаях, когда, в частности, мать ребенка признана недееспособной, безвестно отсутствующей, умерла, объявлена умершей, лишена родительских прав или ограничена в них.

По смыслу закона к лицам, которым может быть отсрочено отбывание наказания по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 82 УК

РФ, относятся и усыновители (удочерители) ребенка в возрасте до четырнадцати лет.

Вместе с тем такая отсрочка не может предоставляться лицам, которые по решению суда ограничены в родительских правах или лишены их, иным близким родственникам ребенка, опекунам.

4. Обратить внимание судов на то, что отсрочка отбывания наказания возможна лишь при условии положительного поведения лица, его добросовестного отношения к исполнению обязанностей по воспитанию ребенка, исключающих оказание какого-либо отрицательного воздействия на ребенка.

С учетом этого, разрешая при постановлении приговора или на стадии его исполнения, а также при проверке приговора (постановления суда) в апелляционном, кассационном порядке вопрос об отсрочке отбывания наказания указанным в части 1 статьи 82 УК РФ лицам, суд принимает во внимание сведения о личности, поведении, в том числе в период отбывания наказания, об условиях жизни лица и его семьи, о наличии у него жилья и необходимых условий для проживания с ребенком и другие. При этом такие обстоятельства, как, например, наличие у лица прежней судимости, непризнание им своей вины, непринятие мер к возмещению ущерба, наличие родственников, желающих воспитывать ребенка, сами по себе не могут являться основанием для отказа в отсрочке.

5. Наличие у лица ребенка в возрасте до четырнадцати лет и беременность женщины должны подтверждаться соответствующими документами (свидетельством о рождении, медицинским заключением о беременности женщины и др.).

В силу положений части 1 статьи 82 УК РФ и части 9 статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ) в их взаимосвязи суду при постановлении приговора в отношении беременной женщины и решении вопроса о применении к ней отсрочки отбывания наказания, а также при рассмотрении в порядке исполнения приговора ходатайства женщины, осужденной к лишению свободы, об отсрочке ей отбывания наказания в связи с беременностью следует исходить лишь из установленного факта беременности независимо от ее срока. Женщина, осужденная к обязательным работам, исправительным работам, принудительным работам, вправе обратиться в суд в порядке исполнения приговора с ходатайством об отсрочке ей отбывания наказания в связи с наступлением беременности только со дня предоставления отпуска по беременности и родам.

6. Исходя из положений статьи 82 УК РФ судом может быть отсрочено отбывание как основного наказания, так и наряду с ним дополнительного наказания.

При решении вопроса о возможности отсрочки отбывания дополнительного наказания судам над-

лежит учитывать материальное положение осужденного, возможности получения им заработной платы или иного дохода, специфику профессиональной деятельности и другие обстоятельства.

7. Под тяжкими и особо тяжкими преступлениями против личности для целей статьи 82 УК РФ следует понимать относящиеся к данным категориям умышленные преступные деяния, ответственность за совершение которых предусмотрена статьями раздела VII Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Если в совокупность преступлений или приговоров входит одно или несколько умышленных тяжких или особо тяжких преступлений против личности, за которые назначено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше пяти лет, то назначение по правилам статьи 69 или 70 УК РФ окончательного наказания в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет не препятствует применению отсрочки отбывания наказания.

8. При наличии предусмотренных статьей 82 УК РФ оснований отсрочки отбывания наказания в виде лишения свободы суд в резолютивной части приговора указывает на применение такой отсрочки после назначения наказания и определения вида исправительного учреждения с учетом требований статьи 58 УК РФ.

9. По достижении ребенком четырнадцатилетнего возраста, в случае смерти ребенка, прерывания беременности по медицинским показаниям вопрос об освобождении от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости либо о замене оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом наказания разрешается судом в соответствии с положениями части 4 статьи 178 УИК РФ по представлению уголовно-исполнительной инспекции с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, поведения осужденного, его отношения к воспитанию ребенка, фактически отбытого срока наказания.

10. При решении вопроса о сокращении срока отсрочки отбывания наказания беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, а также мужчине, имеющему ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющемуся единственным родителем, с освобождением осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости в соответствии с частью 4 статьи 82 УК РФ и пунктом 17¹ статьи 397 УПК РФ суд проверяет, истек ли срок, равный сроку наказания, отбывание которого отсрочено, соблюдал ли осужденный условия отсрочки отбывания наказания и доказал ли исправление своим поведением в период такой отсрочки.

11. Если осужденный, которому отсрочено отбывание наказания, отказался от ребенка или продолжает уклоняться от его воспитания после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденного, либо осужденная женщина умышленно без медицинских на то показаний прервала беременность, судья может с учетом требований части 2 статьи 82 УК РФ по представлению этого органа отменить отсрочку отбывания наказания.

Осужденный считается уклоняющимся от воспитания ребенка, если он, официально не отказавшись от ребенка, оставил его в родильном доме или передал в детский дом, либо ведет антиобщественный образ жизни и не занимается воспитанием ребенка и уходом за ним, либо оставил ребенка родственникам или иным лицам, либо скрылся, либо совершает иные действия, свидетельствующие об уклонении от воспитания ребенка.

12. В случае отмены отсрочки отбывания наказания в виде лишения свободы на основании части 2 статьи 82 УК РФ суд направляет осужденного для отбывания наказания в исправительное учреждение, назначенное по приговору суда.

Если осужденному предоставлялась отсрочка отбывания наказания, не связанного с лишением свободы, это наказание после отмены отсрочки подлежит исполнению в установленном порядке.

13. В тех случаях, когда в отношении осужденного лица, которому на основании статьи 82 УК РФ отбывание наказания отсрочено, будет установлено, что оно виновно еще и в другом преступлении, совершенном до вынесения приговора по делу, правила части 5 статьи 69 УК РФ применены быть не могут, приговоры по первому и второму делам исполняются самостоятельно.

14. По смыслу части 1 статьи 82¹ УК РФ отсрочка отбывания наказания может быть применена как к лицу, впервые совершившему одно или несколько преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 228, частью 1 статьи 231 и статьей 233 УК РФ, за которые ему назначено наказание в виде лишения свободы, так и к лицу, которое ранее осуждалось за их совершение к наказаниям, не связанным с лишением свободы, и вновь совершило одно или несколько таких преступлений, за которые назначено лишение свободы.

Положения части 1 статьи 82¹ УК РФ распространяются также на лиц, имеющих непогашенную судимость за преступления, не указанные в данной норме, независимо от вида назначенного им наказания.

В случае совершения лицом иного преступления, помимо преступлений, указанных в части 1 статьи 82¹ УК РФ, отсрочка отбывания наказания по данному основанию не предоставляется.

15. По делам о преступлениях, предусмотренных частью 1 статьи 228, частью 1 статьи 231 и статьей 233 УК РФ, председательствующий в соответствии со статьей 267 УПК РФ в подготовительной части судебного заседания разъясняет подсудимому его права, установленные статьей 47 УПК РФ и статьей 82¹ УК РФ, связанные с прохождением курса лечения от наркомании, медицинской и социальной реабилитации, условия отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, а также последствия их невыполнения.

Подсудимый вправе выразить желание в устной или письменной форме добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую и социальную реабилитацию на любой стадии судебного разбирательства по делу до удаления суда в совещательную комнату, что отражается в протоколе судебного заседания.

Наличие или отсутствие у лица заболевания наркоманией суд устанавливает на основании содержащегося в материалах дела заключения эксперта по результатам судебно-психиатрической экспертизы, проведенной согласно пункту 3² статьи 196 УПК РФ. Заключение эксперта должно содержать вывод о наличии (отсутствии) у лица диагноза “наркомания”, а также о том, нет ли медицинских противопоказаний для проведения лечения от такого заболевания.

16. В случае принятия судом решения о предоставлении отсрочки отбывания наказания при постановлении приговора по основаниям, установленным частью 1 статьи 82¹ УК РФ, резолютивная часть приговора должна, в частности, содержать решения о признании подсудимого виновным в совершении одного или нескольких преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 228, частью 1 статьи 231 и статьей 233 УК РФ, о назначении ему за эти преступления наказания в виде лишения свободы, об определении вида исправительного учреждения и режима отбывания наказания, а также о применении отсрочки отбывания наказания на основании статьи 82¹ УК РФ.

С учетом того, что курс лечения от наркомании, а также медицинской и социальной реабилитации является индивидуальным, а его продолжительность должна учитывать сроки, предусмотренные частью 3 статьи 82¹ УК РФ, судам следует при определении периода отсрочки отбывания наказания указывать в приговоре на предоставление отсрочки на период прохождения курса лечения от наркомании, а также медицинской и социальной реабилитации и установления ремиссии, но не более чем на пять лет.

Конкретный срок, необходимый для проведения курса лечения больного от наркомании и его реабилитации, должен быть определен в заключении эксперта.

17. При рассмотрении ходатайства (представления) об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания в порядке части 3 статьи 82¹ УК РФ суд должен располагать характеристикой с места учебы и (или) работы осужденного, информацией участкового уполномоченного полиции (в отношении несовершеннолетнего осужденного — подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел) об образе жизни осужденного, а также заключением медицинской организации об окончании прохождения курса лечения от наркомании, заключением медицинской организации о завершении медицинской реабилитации и наличии ремиссии, документами, предоставленными организацией, осуществляющей социальную реабилитацию больных наркоманией, и подтверждающими завершение осужденным курса социальной реабилитации.

18. Отсрочка отбывания наказания отменяется, если осужденный, признанный больным наркоманией, до начала лечения или на любом его этапе отказался от прохождения курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации или уклоняется от их прохождения после предупреждения, объявленного уголовно-исполнительной инспекцией (часть 2 статьи 82¹ УК РФ).

Исходя из требования части 2 статьи 55 Федерального закона от 8 января 1998 года № 3-ФЗ “О наркотических средствах и психотропных веществах” о том, что лечение больных наркоманией проводится только в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения, отказ осужденного от прохождения курса лечения от наркомании в такой медицинской организации является основанием отмены отсрочки отбывания наказания.

В то же время к случаям, предусмотренным частью 2 статьи 82¹ УК РФ, не относится отказ осужденного от медико-социальной реабилитации в медицинской организации государственной (муниципальной) системы здравоохранения и выбор им частной медицинской организации, имеющей лицензию на указанный вид деятельности, поскольку осужденный имеет право на выбор такой организации.

19. Если факт совершения осужденным, признанным больным наркоманией, которому отсрочено отбывание наказания, преступления, не указанного в части 1 статьи 82¹ УК РФ и совершенного до вынесения первого приговора, установлен вступившим в законную силу приговором, суд в соответствии с частью 4 статьи 82¹ УК РФ по представлению уголовно-исполнительной инспекции разрешает вопрос об отмене отсрочки отбывания наказания и о назначении наказания по правилам части 5 статьи 69 УК РФ в порядке главы 47 УПК РФ. При этом неотбытым наказанием следует считать весь период назначенного наказания в виде лишения свободы, которое было отсрочено. В случае назначения окончательного наказания в виде реального лишения свободы суд указывает в постановлении вид исправительного учреждения и режим отбывания наказания с учетом положений статьи 58 УК РФ.

Вместе с тем, когда преступление, совершенное до вынесения приговора по первому делу, является одним из преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 228, частью 1 статьи 231 или статьей 233 УК РФ, суд, назначив в порядке исполнения приговора окончательное наказание по правилам части 5 статьи 69 УК РФ, вправе при наличии к тому оснований применить отсрочку отбывания наказания.

20. При назначении окончательного наказания по правилам статьи 70 УК РФ в связи с совершением осужденным в период отсрочки отбывания наказания, предоставленной на основании статьи 82 или 82¹ УК РФ, нового преступления неотбытым наказанием следует считать весь период назначенного наказания, отбывание которого было отсрочено. В случае назначения по совокупности приговоров реального наказания время содержания осужденного под стражей засчитывается в срок отбывания окончательного наказания.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

По договору хранения ценностей с предоставлением клиенту индивидуального банковского сейфа, если иное не предусмотрено договором, банк несет ответственность за сохранность содержимого сейфа. В случае возникновения спора на банк возлагается обязанность доказать, что доступ кого-либо к сейфу без ведома клиента был невозможен либо стал возможным вследствие непреодолимой силы

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 15 ноября 2022 г. № 5-КГ22-105-К2*

(Извлечение)

3. обратилась в суд с иском к Банку о взыскании убытков, штрафа и компенсации морального вреда.

Как установлено судом, 6 апреля 2017 г. между Банком и 3. заключен договор о предоставлении индивидуальной сейфовой ячейки с целью хранения денежных средств. Согласно условиям данного договора Банк обязался осуществлять контроль за доступом в помещение, где находится предоставленная пользователю ячейка, а также обеспечить сохранность и целостность ячейки.

22 ноября 2017 г. возбуждено уголовное дело по факту кражи принадлежащих 3. денежных средств из находящейся в депозитарии Банка сейфовой ячейки. Согласно представленному по запросу суда заключению эксперта от 7 декабря 2017 г., полученному в ходе рассмотрения уголовного дела, замок сейфовой ячейки, принадлежащей 3., мог быть открыт преступным путем.

27 февраля 2020 г. 3. направила в Банк претензию с требованием возместить убытки, однако в удовлетворении претензии ей было отказано.

Согласно представленному по запросу суда апелляционной инстанции заключению эксперта от 7 декабря 2017 г., полученному в ходе расследования уголовного дела, на накладном сейфовом замке следов, указывающих на отпирание представленного замка посторонним предметом, не обнаружено, однако наличие в коробе замка пластичного вещества (пластилина) со стороны цилиндра для мастер-ключа может указывать на изготовление дубликата с мастер-ключа, а наличие в коробе замка фрагмента картона со стороны для “хозяйского” ключа может свидетельствовать о криминальном отпирании представленного замка.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении иска отказано.

Определением судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции судебные постановления оставлены без изменения.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции указал, что достаточных и достоверных доказательств помещения истцом денежных средств в указанном размере в банковскую ячейку, а также ненадлежащего исполнения ответчиком обязательств по договору истцом не представлено.

Суд сослался также на то, что условиями заключенного сторонами договора не предусмотрена ответственность Банка за сохранность содержимого банковской ячейки.

С выводами суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции, дополнительно указав, что постановление о возбуждении уголовного дела не может служить безусловным доказательством проникновения посторонних лиц к банковскому сейфу истца, как не свидетельствует о таком проникновении и заключение эксперта, которое носит предположительный характер.

Суд кассационной инстанции не нашел оснований для отмены постановлений судов нижестоящих инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 15 ноября 2022 г. пришла к выводу о том, что указанные выше судебные постановления приняты с существенными нарушениями норм права и не согласилась с ними по следующим основаниям.

По договору хранения ценностей в индивидуальном банковском сейфе клиенту предоставляется право самому помещать ценности в сейф и изымать их из сейфа, для чего ему должны быть выданы ключ от сейфа, карточка, позволяющая идентифицировать клиента, либо иной знак или документ, удостоверяющие право клиента на доступ к сейфу и его содержимому (абз. 2 п. 1 ст. 922 ГК РФ).

По договору хранения ценностей в банке с использованием клиентом индивидуального банковского сейфа банк принимает от клиента ценности, которые должны храниться в сейфе, осуществляет контроль за их помещением клиентом в сейф и изъятием из сейфа и после изъятия возвращает их клиенту (п. 2 ст. 922 ГК РФ).

В соответствии с п. 3 ст. 922 ГК РФ по договору хранения ценностей в банке с предоставлением клиенту индивидуального банковского сейфа банк обеспечивает клиенту возможность помещения ценностей в сейф и изъятия их из сейфа вне чьего-либо контроля, в том числе и со стороны банка. Банк обязан осуществлять контроль за доступом в помещение, где находится предоставленный клиенту сейф. Если договором хранения ценностей в банке с предоставлением клиенту

индивидуального банковского сейфа не предусмотрено иное, банк освобождается от ответственности за несохранность содержимого сейфа, если докажет, что по условиям хранения доступ кого-либо к сейфу без ведома клиента был невозможен либо стал возможным вследствие непреодолимой силы.

Исходя из смысла приведенных правовых норм в их взаимосвязи по договору хранения ценностей с предоставлением клиенту индивидуального банковского сейфа при отсутствии иных указаний в договоре банк также несет ответственность за сохранность содержимого сейфа и освобождается от нее, если докажет, что по условиям хранения доступ кого-либо к сейфу без ведома клиента был невозможен либо стал возможным вследствие непреодолимой силы.

Пунктом 6.1 договора от 6 апреля 2017 г., заключенного между З. и Банком, предусмотрено, что Банк несет ответственность за сохранность и целостность ячейки в соответствии с действующим законодательством.

Таким образом, указанный договор не содержит самостоятельных условий, ограничивающих ответственность Банка за несохранность содержимого ячейки.

Следовательно, к данным правоотношениям применяются предусмотренные Гражданским кодексом РФ правила о договоре хранения ценностей в предоставленном индивидуальном банковском сейфе, в соответствии с которыми обязанность доказать, что доступ кого-либо к сейфу без ведома клиента был невозможен либо стал возможным вследствие непреодолимой силы, возложена на банк.

Между тем данные положения закона судебными инстанциями по настоящему делу учтены не были.

Из установленных судами обстоятельств следует, что материалы служебной проверки работы хранилища по факту хищения из ячейки истца Банком не представлены.

Не содержится в судебных постановлениях и ссылки на какие-либо иные представленные Банком доказательства невозможности доступа кого-либо в указанный период к сейфу истца без его ведома.

В нарушение положений ч. 1 ст. 57 ГПК РФ суд отказал в удовлетворении ходатайств истца о представлении записей журнала посещений депозитария, документов по охране хранилища службой безопасности Банка и о мерах осуществления контроля за доступом в хранилище, материалов видеофиксации, документов о том, производилась ли замена клиентских ключей или замков от ячеек при смене их пользователя.

При этом истец в обоснование доводов о ненадлежащем исполнении ответчиком обязательств по охране индивидуальной банковской ячейки ссылалась на материалы уголовного дела, в частности на заключение эксперта от 7 декабря 2017 г., в котором указывается на изготовление дубликата мастер-ключа и на криминальное отпирание замка банковской ячейки.

Доказательств, исключающих возможность криминального отпирания банковской ячейки истца, ответчиком не представлялось.

Ссылка суда на отсутствие точного учета хранившихся в сейфе ценностей как на основание отказа в иске противоречит разъяснениям, содержащимся в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, согласно которым размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. По смыслу п. 1 ст. 15 ГК РФ в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и определение кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

**Заявление в декларации на товары
недостоверных сведений о качественных
характеристиках товаров, если такие сведения
послужили основанием для освобождения
от уплаты таможенных пошлин, налогов
или для занижения их размера, образует
состав административного правонарушения,
предусмотренного ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ**

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 14 февраля 2023 г. № 307-ЭС22-13687*

(Извлечение)

Общество ввезло на территорию Российской Федерации товар — производственную линию по изготовлению древесно-стружечных плит с применением ставки ввозной таможенной пошлины 0% и освобождением от уплаты НДС в отношении ввозимого технологического оборудования на основании подп. 7 ст. 150 НК РФ и постановления Правительства РФ от 30 апреля 2009 г. № 372 “Об утверждении перечня технологического оборудования (в том числе комплектующих и запасных частей к нему), аналоги которого не производятся в Российской Федерации, ввоз которого на территорию Российской Федерации не подлежит обложению налогом на добавленную стоимость” (далее — перечень).

По результатам проверки таможенный орган пришел к выводу, что обществом не были соблюдены условия, необходимые для предоставления льготы по уплате НДС в отношении задеклариро-

ванного товара, поскольку производительность ввезенного оборудования не соответствует значению, указанному в перечне, что послужило основанием для принятия таможенным органом решения о внесении изменений (дополнений) в сведения, заявленные в декларации, и направления уведомления об уплате таможенных платежей.

Допущенные нарушения также послужили основанием для принятия таможенным органом постановления о привлечении общества к административной ответственности, предусмотренной ст. 16.21 КоАП РФ.

Не согласившись с привлечением к ответственности, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления таможенного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда и суда округа, в удовлетворении требований общества отказано.

Суды исходили из того, что в силу подп. 19 п. 1 ст. 4 Таможенного кодекса Таможенного союза, действовавшего в период ввоза товара, перемещение товаров через таможенную границу с недостоверным декларированием признается незаконным перемещением товаров. На этом основании суды пришли к выводу о правомерности привлечения общества к административной ответственности по ст. 16.21 КоАП РФ, поскольку им допущено пользование товарами, которые были незаконно перемещены через таможенную границу без уплаты НДС.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ 14 февраля 2023 г. отменила принятые судебные акты и удовлетворила требование общества, указав на следующее.

Регламентируя административную ответственность в области таможенного дела (нарушения таможенных правил), законодатель разделил правонарушения, связанные с незаконным перемещением товаров через границу (ст. 16.1 КоАП РФ), недекларированием и недостоверным декларированием товаров (ст. 16.2 КоАП РФ) и незаконным использованием товарами, их приобретением, хранением либо транспортировкой (ст. 16.21 КоАП РФ).

Понятие незаконного перемещения товара через таможенную границу в целях привлечения к административной ответственности дано в ст. 16.1 КоАП РФ. Перемещение товаров через таможенную границу с недостоверным декларированием незаконным перемещением товаров в целях привлечения к административной ответственности не признается.

Заявление не соответствующих действительности (недостоверных) сведений о качественных характеристиках товара, необходимых для таможенных целей, при условии, что такие сведения послужили основанием для освобождения от уплаты таможенных пошлин, налогов или для занижения их размера, образует состав административного правонарушения, предусмотренный ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ.

Административная ответственность, предусмотренная ст. 16.21 КоАП РФ, наступает при пользовании товарами, незаконно перемещенными через таможенную границу ЕАЭС, в отношении которых не уплачены таможенные пошлины, налоги или не соблюдены запреты и ограничения, установленные действующим законодательством, а также при приобретении, хранении либо транспортировке таких товаров.

Из толкования приведенных положений главы 16 КоАП РФ в их нормативном единстве следует, что использование декларантом недостоверных сведений о товаре при его декларировании, приведшее к необоснованному освобождению от уплаты таможенных пошлин, налогов или к занижению их размера, образует отдельный (самостоятельный) состав административного правонарушения, а сама по себе неуплата (неполная уплата) таможенных платежей при ввозе товара не является основанием для привлечения декларанта к ответственности по ст. 16.21 КоАП РФ.

Иной подход позволял бы таможенным органам многократно применять к декларанту различные меры административной ответственности за одно и то же действие, не связанное с сокрытием товаров от таможенного контроля при их перемещении, и состоящее, по сути, лишь в неправильном исчислении таможенных платежей и НДС.

В рассматриваемом случае при перемещении оборудования — производственной линии по изготовлению древесно-стружечных плит через таможенную границу обществом не было допущено нарушение порядка прибытия товаров на таможенную территорию, сокрытие товаров от таможенного контроля либо сообщение в таможенный орган недостоверных сведений путем представления недействительных документов в отношении товара.

Возникшие после выпуска товара разногласия между обществом и таможенным органом относительно показателей мощности производственной линии, при которых допустимо применение льготы по НДС, носили сугубо правовой характер и не были связаны с нелегальным ввозом оборудования на таможенную территорию.

При этом к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ, декларант не привлекался, однако данное обстоятельство не могло служить основанием для произвольной квалификации правонарушения по ст. 16.21 КоАП РФ.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Оспариваемый частично п. 3 Порядка выдачи личной карточки охранника, утвержденного приказом Росгвардии от 28 июня 2019 г. № 238, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 8 февраля 2023 г. № АКПИ22-1214,
вступившее в законную силу*

2. Оспариваемое частично примечание <*> к абз. 1 подп. 2.2.1 п. 2.2 раздела 2 части 1, кода позиции Единой тарифно-статистической номенклатуры грузов 111006 раздела II таблицы № 1 приложения 2 к разделу 2 Прейскуранта № 10-01 “Тарифы на перевозки грузов и услуги инфраструктуры, выполняемые российскими железными дорогами” (Тарифное руководство № 1, части 1 и 2), утвержденного постановлением ФЭК России от 17 июня 2003 г.

№ 47-т/5, признано не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 15 февраля 2023 г. № АКПИ22-1025,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 16 мая 2023 г. № АПЛ23-134*

3. Абзац 2 п. 2 Указания Банка России от 24 октября 2019 г. № 5300-У “О критериях операций, приостанавливаемых в соответствии с Федеральным законом “О государственном оборонном заказе” признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 16 февраля 2023 г. № АКПИ22-1184,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 16 мая 2023 г. № АПЛ23-133*

4. Пункт 4.8 Свода правил “СНиП 2.03.13-88 “Полы” (СП 29.13330.2011), утвержденного приказом Минрегионразвития России от 27 декабря 2010 г. № 785, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 20 февраля 2023 г. № АКПИ22-1229,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 16 мая 2023 г. № АПЛ23-141*

5. Оспариваемый частично п. 31 Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, утвержденного приказом Минюста России от 29 марта 2019 г. № 57, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 20 февраля 2023 г. № АКПИ23-7,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 16 мая 2023 г. № АПЛ23-142*

6. Пункт 89 Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации, утвержденного приказом Минздравсоцразвития России от 12 мая 2010 г. № 346н, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 21 февраля 2023 г. № АКПИ22-1290,
вступившее в законную силу*

7. Подпункт 4.8 п. 4, пп. 9 (в части), 24 Правил обработки персональных данных в органах принудительного исполнения Российской Федерации, пп. 40, 41, 44 главы I, пп. 34, 35, 36, 37, 40 главы II Перечня должностей федеральной государственной службы органов принудительного исполнения Российской Федерации, замещение которых предусматривает осуществление обработки персональных данных либо осуществление доступа к персональным данным, утвержденных приказом ФССП России от 17 сентября 2020 г. № 672, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 6 марта 2023 г. № АКПИ23-8,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 8 июня 2023 г. № АПЛ23-169*

8. Оспариваемая частично номенклатура медицинских услуг, утвержденная приказом Минздрава России от 13 октября 2017 г. № 804н, признана не противоречащей федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 6 марта 2023 г. № АКПИ23-79,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 30 мая 2023 г. № АПЛ23-168*

9. Распоряжение Правительства РФ от 17 октября 2022 г. № 3056-р признано не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 9 марта 2023 г. № АКПИ23-53,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 8 июня 2023 г. № АПЛ23-171*

10. Абзац 3 п. 148¹ Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 14 марта 2023 г. № АКПИ23-25,
вступившее в законную силу*

11. Пункты 4, 5, 8 Методических указаний по расчету регулируемых тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения, утвержденных приказом ФСТ России от 27 декабря 2013 г. № 1746-э, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 15 марта 2023 г. № АКПИ23-29,
вступившее в законную силу*

12. Оспариваемый частично п. 32 Правил пользования газом в части обеспечения безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутриквартирного газового оборудования при предоставлении коммунальной услуги по газоснабжению, утвержденных постановлением Правительства РФ от 14 мая 2013 г. № 410, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 21 марта 2023 г. № АКПИ23-55,
вступившее в законную силу*

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Признание судом исключительными совокупности обстоятельств, связанных с ролью виновного и его поведением во время и после совершения преступления, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления (ст. 264 УК РФ), должно быть мотивировано ссылками на конкретные обстоятельства уголовного дела

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 16 февраля 2022 г. № 15-УДП21-16-К1*

(Извлечение)

По приговору Zubovo-Полянского районного суда Республики Мордовия от 10 февраля 2021 г. К. осужден по п. “а” ч. 4 ст. 264 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к двум годам лишения свободы в колонии-поселении с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на два года.

В апелляционном порядке дело не рассматривалось.

Кассационный суд общей юрисдикции приговор оставил без изменения.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ просил отменить вынесенные в отношении К. судебные решения в связи с чрезмерной мягкостью назначенного осужденному наказания.

В возражениях на кассационное представление осужденный и потерпевшая просили оставить без удовлетворения кассационное представление прокурора.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 16 февраля 2022 г. отменила приговор и последующие судебные решения в отношении К. и передала уголовное дело на новое судебное рассмотрение в связи со следующим.

К. признан виновным в нарушении правил дорожного движения при управлении механическим транспортным средством, выразившемся в том, что 4 октября 2020 г. в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя и наркотических средств, управляя мотоциклом без государственного регистрационного знака, двигаясь по автодороге, проходящей по Полянскому району Республики Мордовия, при совершении обгона впереди идущего автомобиля выехал на правую по ходу своего движения обочину, где, не справившись с управлением транспортным средством, совершил наезд на металлический отбойник. В результате этого А., который ехал с К. на мотоцикле в качестве пассажира, упал и скончался на месте происшествия от сочетанной тупой травмы головы, шеи и туловища.

При решении вопроса о назначении К. наказания суд сослался в приговоре на характер и степень общественной опасности содеянного, данные о личности виновного, смягчающие обстоятельства — полное признание вины и раскаяние в содеянном, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, положительные характеристики, наличие на иждивении малолетнего ребенка, состояние здоровья К. При этом смягчающие и иные характеризующие личность виновного обстоятельства суд счел исключительными, в связи с чем применил к К. положения ст. 64 УК РФ. С таким выводом согласился и суд кассационной инстанции.

Признав в отношении К. перечисленные в приговоре смягчающие обстоятельства и иные данные о личности осужденного исключительными, как и их совокупность, суды первой и кассационной инстанций не отразили, какие конкретно из этих обстоятельств и каким образом существенно снижают степень общественной опасности совершенного К. преступления. Между тем по смыслу закона признание тех или иных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, исключительными определяется в каждом конкретном деле решением суда, которое должно быть мотивировано ссылками на конкретные обстоятельства уголовного дела. Однако в приговоре и в кассационном определении убедительных оснований для такого решения не приведено.

Выводы суда о полном признании К. вины и раскаянии в содеянном, активном способствовании расследованию и раскрытию преступления, выразившемся в сообщении им в ходе расследования обо всех обстоятельствах, имеющих значение для дела, противоречат оценке судом конкретных показаний К.

К. сообщил, что перед совершением преступления он выпил 100 г водки, наркотические средства или психотропные вещества не употреблял. Между тем из справок государственного бюджетного учреждения здравоохранения Республики Мордовия

“Республиканский наркологический диспансер” следует, что после дорожно-транспортного происшествия в крови К. обнаружен этиловый алкоголь в количестве 2,5 промилле (что соответствует сильной степени алкогольного опьянения), а в других анализах — производные тетрагидроканнабиноловой кислоты, амфетамина, синтетические аналоги каннабиноидов.

Относительно цели поездки на мотоцикле К. утверждал, что они ездили в магазин за сигаретами, тогда как у погибшего А. была обнаружена приобретенная бутылка пива объемом 1,5 литра.

Противоречит выводам суда о полном признании вины и раскаянии К. в содеянном и то, что после обнаружения у К. следов наркотических средств и психотропных веществ он не сообщил органам предварительного следствия, какие средства им употреблялись, где, когда, у кого и при каких обстоятельствах они были приобретены, что могло бы способствовать выявлению источников приобретения наркотических средств, каналов их сбыта.

При принятии решения о применении к К. положений ст. 64 УК РФ судом не дана надлежащая оценка тому факту, что с 2005 по 2016 г. К. состоял на диспансерном учете в государственном бюджетном учреждении здравоохранения Московской области “Московский областной клинический наркологический диспансер” с диагнозом “психические и поведенческие расстройства в результате употребления опиоидов”. Согласно заключению комиссии экспертов, у К. обнаруживается средняя стадия зависимости от нескольких психоактивных веществ, наркомания, К. нуждается в лечении от наркомании и в медицинской реабилитации.

С учетом того, что нарушение правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности смерть человека, совершено К. в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, приведенный выше диагноз может свидетельствовать не только о наличии у осужденного определенного заболевания, но и о его повышенной общественной опасности.

При таких обстоятельствах назначение К. по п. “а” ч. 4 ст. 264 УК РФ, санкция которой предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до двенадцати лет, наказания в виде двух лет лишения свободы — ниже низшего предела, установленного санкцией указанной статьи Особенной части УК РФ, нельзя признать отвечающим целям и задачам уголовного закона и смыслу судебного решения как акта правосудия.

По данному уголовному делу были допущены и иные существенные нарушения уголовного закона¹.

¹ По приговору Zubovo-Полянского районного суда Республики Мордовия от 30 мая 2022 г. К. осужден по п. “а” ч. 4 ст. 264 УК РФ к пяти годам шести месяцам лишения свободы в исправительной колонии общего режима с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами сроком на три года. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия от 20 октября 2022 г. приговор в части квалификации деяния и назначения К. наказания оставлен без изменения.

2. Наличие у виновного малолетнего ребенка само по себе не может рассматриваться как безусловное основание для признания его в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, поскольку возможность принятия судом такого решения закон связывает с выполнением виновным обязанностей родителя по надлежащему воспитанию и материальному содержанию ребенка

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 31 марта 2022 г. № 35-УДП22-4-К2*

(Извлечение)

По приговору Калининского районного суда Тверской области от 19 февраля 2021 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) Г., судимый 7 июня 2019 г. по ч. 1 ст. 157 УК РФ к шести месяцам исправительных работ с удержанием 10% заработной платы в доход государства, 5 февраля 2020 г. неотбытое наказание в виде шести месяцев исправительных работ заменено на два месяца лишения свободы в колонии-поселении, осужден по ч. 1 ст. 111 УК РФ к трем годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 ноября 2021 г. приговор и апелляционное определение в отношении Г. изменены. Наличие малолетнего ребенка у осужденного признано обстоятельством, смягчающим наказание осужденного, наказание смягчено до двух лет десяти месяцев лишения свободы. В остальной части приговор и апелляционное определение оставлены без изменения.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ оспаривал принятое судом кассационной инстанции решение, поскольку наличие у осужденного малолетнего ребенка само по себе с учетом конкретных обстоятельств рассматриваемого дела не является обстоятельством, смягчающим его наказание. Указывал, что Г. длительное время участия в воспитании и материальном содержании ребенка не принимал, имел в период с 11 марта 2014 г. по 15 февраля 2021 г. задолженность по алиментам более 800 000 руб., 7 июня 2019 г. был осужден по ч. 1 ст. 157 УК РФ за неуплату алиментов на содержание ребенка.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 31 марта 2022 г. признала доводы кассационного представления обоснованными, отменила кассационное определение с передачей дела на новое рассмотрение во Второй кассационный суд общей юрисдикции иным составом суда, отметив следующее.

Как следует из приговора, суд при назначении Г. наказания признал в качестве обстоятельств, смягчающих наказание осужденного, признание им своей вины, раскаяние в содеянном, явку с повинной, принесение извинений потерпевшей, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, оказание иной помощи

потерпевшей непосредственно после совершения преступления.

Наличие у Г. малолетнего ребенка не признано судом в качестве обстоятельства, смягчающего наказание осужденного.

При этом суд исследовал имеющиеся в материалах дела доказательства и мотивировал свой вывод тем, что осужденный длительное время участия в воспитании и материальном содержании ребенка не принимал, с ребенком не общался, алименты не выплачивал, имел задолженность по алиментам по состоянию на 1 февраля 2021 г. в сумме 856 747 руб. 57 коп.

Данные обстоятельства не отрицал и сам осужденный, суду пояснял, что с ребенком не виделся с 2011 года, какого-либо участия в его жизни не принимал, денежные средства на его содержание не перечислял, ничего ему не покупал.

Из материалов дела также усматривается, что Г. по приговору суда от 7 июня 2019 г. осужден по ч. 1 ст. 157 УК РФ за неуплату без уважительных причин в нарушение решения суда средств на содержание несовершеннолетнего ребенка 2008 года рождения, совершенную неоднократно.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции и по аналогичным основаниям отклонил доводы стороны защиты о признании в качестве смягчающего наказание обстоятельства наличие у Г. малолетнего ребенка.

Таким образом, все обстоятельства, имеющие значение для назначения наказания, в том числе наличие и отсутствие смягчающих и отягчающих обстоятельств, были учтены судами первой и апелляционной инстанций.

Изменяя приговор в части назначения Г. наказания, суд кассационной инстанции признал наличие ребенка у осужденного смягчающим обстоятельством и указал в определении, что, несмотря на длительное неучастие в воспитании и материальном обеспечении ребенка, Г., будучи осужденным по ч. 1 ст. 157 УК РФ за неоднократную неуплату без уважительных причин в нарушение решения суда средств на содержание своего малолетнего сына, вину в данном преступлении признал, раскаивался в содеянном, высказывал намерения о погашении задолженности, при этом сам несовершеннолетний не является непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ.

Вместе с тем судом кассационной инстанции не принято во внимание, что по смыслу закона наличие у виновного малолетнего ребенка само по себе не может рассматриваться как безусловное основание для признания его в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, поскольку возможность признания указанного обстоятельства в качестве смягчающего закон связывает с выполнением виновным обязанностей родителя по надлежащему воспитанию и материальному содержанию ребенка. Однако таких обстоятельств судом установлено не было, в связи с чем суд наличие малолетнего ребенка у осужденного при указанных обстоя-

тельствах, т.е. юридическое состояние отцовства Г. без фактического выполнения им обязанностей родителя, не признал обстоятельством, смягчающим наказание Г., мотивировав свой вывод в приговоре¹.

3. При наличии у обвиняемого, заявившего ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке (глава 40 УПК РФ), психического расстройства, хотя и не исключающего вменяемости, но лишаящего его способности в полной мере осознавать фактический характер, общественную опасность своих действий и руководить ими, и препятствующего самостоятельному осуществлению им права на защиту, суд, решая вопрос о возможности рассмотрения дела в таком порядке, должен выяснить, осознает ли обвиняемый характер и последствия заявленного им ходатайства

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 28 октября 2021 г. № 83-УДП21-24-К1*

(Извлечение)

По приговору Дятьковского городского суда Брянской области от 25 мая 2020 г., оставленному без изменения судом кассационной инстанции, С. осужден по п. “з” ч. 2 ст. 112 УК РФ к одному году восьми месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком один год шесть месяцев и с возложением на него обязанности, определенной в приговоре. В соответствии с п. “а” ч. 1 ст. 99 УК РФ С. назначена принудительная мера медицинского характера в виде принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях по месту жительства.

Приговор суда постановлен в порядке главы 40 УПК РФ.

С. признан виновным в умышленном причинении средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, не опасного для его жизни и не повлекшего последствий, указанных в ст. 111 УК РФ, но вызвавшего длительное расстройство здоровья, совершенном с применением предметов, используемых в качестве оружия.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ просил об отмене приговора и кассационного определения и о направлении уголовного дела на новое судебное рассмотрение в связи с нарушением судом права С. на защиту, выразившимся в том, что при рассмотрении уголовного дела суд, вопреки требованиям ч. 2 ст. 314 УПК РФ, не удостоверился, что подсудимый осознавал характер и последствия заявленного им ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке.

¹ Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17 мая 2022 г. приговор Калининского районного суда Тверской области от 19 февраля 2021 г. и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Тверского областного суда от 20 мая 2021 г. в отношении Г. оставлены без изменения, кассационная жалоба осужденного Г. — без удовлетворения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 28 октября 2021 г. отменила приговор и кассационное определение в отношении С. и передала уголовное дело на новое судебное рассмотрение, мотивировав свое решение следующим.

В главе 40 УПК РФ закреплён особый порядок принятия судебного решения, в соответствии с которым обвиняемый в совершении преступления небольшой или средней тяжести вправе заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, а суд вправе принять решение по делу без заслушивания показаний подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключения эксперта, осмотра вещественных доказательств, оглашения протоколов и иных документов, производства других судебных действий по исследованию доказательств (за исключением тех, что относятся к характеристике личности подсудимого, обстоятельствам, смягчающим и отягчающим наказание, и иным вопросам, требующим разрешения по каждому делу).

Такой порядок рассмотрения уголовного дела согласно ч. 2 ст. 314 УПК РФ может быть применён лишь при условии, что обвиняемый осознаёт характер и последствия заявленного им ходатайства и добровольно принимает на себя все последствия указанного порядка, включая как невозможность назначения ему наказания, превышающего две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ, так и недопустимость обжалования постановленного по делу приговора по мотиву несоответствия содержащихся в нём выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Если же суд установит, что предусмотренные законом условия, при которых обвиняемым было заявлено ходатайство, не соблюдены (в частности, если ходатайство не было осознанным и добровольным), то он принимает решение о назначении судебного разбирательства в общем порядке.

Между тем согласно заключению комиссии экспертов-психиатров от 2 апреля 2020 г. у С. в момент совершения правонарушений и во время проведения экспертизы обнаруживались признаки хронического психического расстройства в виде органического расстройства личности и поведения в связи со смешанными заболеваниями. Данное психическое расстройство, не исключающее вменяемости, лишает С. способности в полной мере осознавать фактический характер, общественную опасность своих действий и руководить ими. По своему психическому состоянию он может правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, давать о них показания и присутствовать в судебном заседании, однако имеющееся у него психическое расстройство относится к категории психических недостатков, препятствующих самостоятельному осуществлению права на защиту.

Суды первой и кассационной инстанций признали данное заключение экспертов обоснованным, С. — вменяемым, но нуждающимся в приме-

нении принудительной меры медицинского характера в виде принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях по месту жительства.

При этом суд первой инстанции, ссылаясь на то, что С. согласился с предъявленным обвинением и заявил ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, данное ходатайство удовлетворил. Суд кассационной инстанции признал такое решение обоснованным, поскольку отсутствовали причины полагать, что психическое состояние С. лишало его способности осознавать характер и последствия заявленного им ходатайства, приговор не был обжалован стороной защиты по данному основанию.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ с такими выводами не согласилась.

Предусмотренный главой 40 УПК РФ особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением представляет собой упрощённую процедуру, заключающуюся в отказе от судебного разбирательства и установления фактических обстоятельств дела, при которой приговор основывается на материалах предварительного расследования. Между тем с учётом правовой позиции, сформулированной, в частности, в Определении Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2006 г. № 605-О, когда речь идёт о правонарушителе с ограниченными возможностями защиты в суде в силу возраста или психического расстройства, только полное исследование всех обстоятельств совершенного деяния и всесторонний учёт особенностей личности обвиняемого могут обеспечить принятие справедливого решения. Именно исходя из этого уголовно-процессуальный закон не предполагает возможность применения такой упрощённой процедуры принятия судебного решения в отношении несовершеннолетних или лиц, подвергаемых применению принудительных мер медицинского характера, а, напротив, требует участия в судебном разбирательстве их законных представителей и установления судом условий их жизни и воспитания, уровня психического развития и иных особенностей личности, оказания на них стороннего влияния.

Ограничение же в отношении таких лиц без их осознанного на то согласия предусмотренных Конституцией Российской Федерации и уголовно-процессуальным законом применительно к общему порядку уголовного судопроизводства гарантий прав и интересов не может быть признано законным.

Ссылка суда кассационной инстанции как на то, что С. в ходе предварительного следствия и в судах первой и кассационной инстанций была оказана профессиональная помощь защитников, так и на то, что стороной защиты приговор не был обжалован, не является свидетельством законности принятых по делу судебных решений, поскольку в силу ч. 5 ст. 47 УПК РФ участие в уголовном деле защитника или законного представителя обвиняемого не служит основанием для ограничения какого-либо права самого обвиняемого. Тот факт, что С., который из-за психического расстройства не

был способен полноценно осуществлять защиту своих прав, заявил ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке добровольно, в полной мере осознавая характер и последствия такого порядка, исходя из экспертного заключения, имеющегося в материалах дела, вызывает сомнение.

Допущенное судами первой и кассационной инстанций нарушение норм уголовно-процессуального закона являлось существенным, повлиявшим на исход дела¹.

**4. В силу положений чч. 3 и 4 ст. 389²⁸
и ч. 3 ст. 401¹⁴ УПК РФ суд кассационной
инстанции должен привести в определении
доводы жалобы осужденного и мотивы
отказа в их удовлетворении**

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 24 февраля 2022 г. № 16-УД21-32-К4*

(Извлечение)

По приговору Октябрьского районного суда Волгоградской области от 17 апреля 2020 г. К. осужден по пп. “д”, “з” ч. 2 ст. 126 УК РФ к шести годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

В апелляционном порядке приговор обжалован не был.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2021 г. приговор оставлен без изменения.

К. признан виновным в похищении человека, совершенном в отношении заведомо несовершеннолетнего, из корыстных побуждений.

В кассационной жалобе и в дополнении к ней осужденный просил отменить состоявшиеся судебные решения. В числе прочего К. обращал внимание на то, что он не похищал ребенка, заявление о пропаже ребенка потерпевшей О. написано после его задержания, а первоначальные показания по делу даны им в отсутствие адвоката.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 24 февраля 2022 г. отменила кассационное определение в отношении К. и передала уголовное дело на новое кассационное рассмотрение в силу следующего.

В соответствии с ч. 3 ст. 401¹⁴, чч. 3 и 4 ст. 389²⁸ УПК РФ определение суда кассационной инстанции должно содержать, в частности, краткое изложение доводов лица, подавшего кассационную жалобу, и мотивы принятого решения.

Определение суда кассационной инстанции по данному делу приведенным выше требованиям закона не отвечает.

¹Поскольку предварительное расследование было проведено в форме дознания, уголовное дело по постановлению Дятьковского городского суда Брянской области от 15 апреля 2022 г. возвращено прокурору в соответствии со ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом, так как с учетом положений ч. 1 ст. 434 УПК РФ по делам данной категории производство предварительного следствия обязательно.

Доводы кассационной жалобы К. в нем изложены в обобщенном виде, не указаны конкретные обстоятельства дела, на которые ссылался К., а доводы, содержащиеся в дополнениях к кассационной жалобе, не приведены.

Так, в дополнении к кассационной жалобе К. указал, что заявление о явке с повинной и первоначальные объяснения по делу были получены от него с нарушением его процессуальных прав в отсутствие адвоката. Указание суда в приговоре о том, что он похитил ребенка, вел его за руку, по мнению осужденного, опровергаются показаниями свидетелей и видеозаписями, из которых видно — ребенок шел сам, впереди него.

Вопреки требованиям уголовно-процессуального закона в определении сделан вывод о том, что доводы жалобы осужденного с изложением его личной оценки доказательств не подлежат рассмотрению, поскольку предметом производства в суде кассационной инстанции является проверка законности приговора.

Между тем суд кассационной инстанции должен проверять соблюдение судами нижестоящих инстанций требований, предусмотренных ст.ст. 87 и 88 УПК РФ, о проверке и оценке доказательств.

В кассационном определении об оставлении без изменения решений судов нижестоящих инстанций должны быть указаны основания, по которым они признаются законными и обоснованными, а жалоба — не подлежащей удовлетворению. Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела. В случаях, указанных в ч. 2 ст. 75 УПК РФ, суд кассационной инстанции вправе признать доказательство недопустимым по просьбе сторон или по собственной инициативе.

Оценив правосудность приговора и доводы, изложенные в кассационной жалобе К., судебная коллегия в своем определении ограничилась указаниями общего характера, которые не относятся к данному делу или не отражают особенности его обстоятельств.

В определении суда отмечено, что исследованные судом доказательства свидетельствуют о наличии у К. умысла на похищение несовершеннолетнего. Корыстный мотив преступления установлен правильно.

Между тем осужденный в своей жалобе утверждал, что не похищал ребенка, а попросил его показать ему дорогу в магазин. Ребенка он не удерживал, за руку не вел — тот шел сам, находясь то впереди, то позади его. К. ссылался на показания конкретных свидетелей, видеозаписи с камер наружного наблюдения и видеорегистратора, установленного в автомобиле отца ребенка — свидетеля М.

Суд кассационной инстанции этим доводам никакой оценки не дал, не указал, какими доказательствами они опровергаются или подтверждаются.

Несмотря на то, что суд в приговоре прямо не сослался на заявление о явке с повинной К. и его первоначальные объяснения по делу, сведения, содержащиеся в указанных материалах, приняты судом во внимание и были изложены в показаниях

свидетелей — сотрудников правоохранительных органов.

Признав наличие корыстного мотива в действиях К., суд первой инстанции сослался в приговоре на показания работников полиции о похищении К. ребенка с целью последующего требования у его родителей денежных средств.

Между тем эти сведения стали известны свидетелям — сотрудникам правоохранительных органов из заявления о явке с повинной К. и его объяснений, которые были получены без разъяснения К. его процессуальных прав, предусмотренных ст. 51 Конституции Российской Федерации и ч. 4 ст. 46 УПК РФ, в отсутствие адвоката и, по его утверждению, в результате примененного насилия.

В последующих показаниях, данных с соблюдением требований УПК РФ, К. категорически отрицал как сам факт похищения им ребенка, так и цель предъявления материальных требований к его родителям.

Согласно правовым позициям, изложенным в Определении Конституционного Суда РФ от 6 февраля 2004 г. № 44-О (а также в Определениях от 24 января 2008 г. № 71-О-О, от 23 сентября 2010 г. № 1147-О-О, от 19 июня 2012 г. № 1068-О, от 18 июля 2017 г. № 1548-О и других), показания дознавателя, следователя, сотрудника, осуществляющего оперативное сопровождение дела, могут быть оценены в суде только по обстоятельствам проведе-

ния того или иного процессуального действия при решении вопроса о допустимости доказательства.

Закон не предусматривает возможность восстановления содержания показаний подозреваемого, обвиняемого вопреки закреплению в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ требованию, согласно которому такие показания, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде, относятся к недопустимым. Тем самым исключается возможность любого, прямого или опосредованного, использования содержащихся в них сведений в качестве доказательств виновности подсудимого.

Суд кассационной инстанции показаниям указанных свидетелей с точки зрения их допустимости никакой оценки не дал, хотя эти показания являлись определяющими для установления мотива действий осужденного.

Отметив в своем определении, что корыстный мотив в действиях К. установлен правильно, судебная коллегия не привела никаких суждений в подтверждение своих выводов.

Таким образом, определение кассационного суда общей юрисдикции в отношении К., как не содержащее доводов, указанных осужденным в кассационной жалобе, и мотивов принятого решения со ссылкой на обстоятельства данного уголовного дела, вынесено с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона¹.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАССАЦИОННЫХ И АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. Представление обвиняемым следователю такой исчерпывающей информации, которая имела существенное значение для дела и непосредственно повлияла на дальнейший ход и результаты его расследования, является основанием для признания в его действиях активного способствования раскрытию и расследованию преступления

*Апелляционное определение
апелляционного военного суда
от 8 февраля 2023 г.*

(Извлечение)

По приговору 2-го Западного окружного военного суда от 26 октября 2022 г. И. осужден к лишению свободы за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ.

Рассмотрев 8 февраля 2023 г. материалы дела по апелляционным жалобам осужденного и его защитника, апелляционный военный суд приговор изменил, признал обстоятельством, смягчающим наказание И. за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 205² УК РФ, активное способствование расследованию этого преступления и смягчил наказание.

В силу п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ смягчающим обстоятельством признается в том числе активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 “О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания”, активное способствование раскрытию и расследованию преступления следует учитывать в качестве смягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ, если лицо о совершенном с его участием преступлении либо о своей роли в преступлении представило органам дознания или следствия информацию, имеющую значение для раскрытия и расследования преступления.

¹ По кассационному определению судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14 апреля 2022 г. приговор в отношении К. отменен, уголовное дело передано на новое судебное рассмотрение. По приговору Октябрьского районного суда Волгоградской области от 1 августа 2022 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, К. оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного пп. “д”, “з” ч. 2 ст. 126 УК РФ, в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

Из материалов уголовного дела следует, что И. при проведении проверки на предмет его причастности к преступлению, предусмотренному ч. 2 ст. 205² УК РФ, после его задержания не скрывал, а представил органам следствия такую исчерпывающую информацию, которая имела существенное значение для дела и непосредственно повлияла на дальнейший ход и результаты его расследования. Такое поведение И. свидетельствует об активном способствовании им раскрытию и расследованию преступления.

Признательные показания И. на предварительном следствии в качестве подозреваемого и обвиняемого были признаны судом достоверными и в совокупности с иными объективными данными положены в основу обвинительного приговора.

При таких данных и отсутствии отягчающих наказание обстоятельств у суда не было оснований для вывода о невозможности применения в отношении И. положений п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ.

2. Извлечение виновным из имевшихся у него петард взрывчатого вещества судом ошибочно расценено как незаконное изготовление этим лицом взрывчатого вещества

*Апелляционное определение
апелляционного военного суда
от 13 марта 2023 г.*

(Извлечение)

По приговору 2-го Западного окружного военного суда от 19 октября 2022 г. С. осужден к лишению свободы по ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ, а также по ч. 1 ст. 222¹ и ч. 1 ст. 223¹ УК РФ за незаконные изготовление и хранение с декабря 2021 г. по 7 января 2022 г. взрывчатого вещества, что выразилось в приобретении им в одном из магазинов пиротехники петард, извлечении из них 0,363 г вещества, являющегося взрывчатым по типу “горючее + окислитель”, и незаконном его хранении в пластиковой колбе до момента изъятия сотрудниками правоохранительных органов.

Рассмотрев 13 марта 2023 г. дело по апелляционной жалобе защитника осужденного, апелляционный военный суд приговор изменил, исключил из приговора указание об осуждении С. по ч. 1

ст. 223¹ УК РФ, посчитал его осужденным по ч. 1¹ ст. 205¹ и ч. 1 ст. 222¹ УК РФ и назначил окончательное наказание по совокупности указанных преступлений путем частичного сложения наказаний. В апелляционном определении приведены следующие мотивы принятия такого решения.

Действия С., связанные с извлечением из имевшихся у него петард взрывчатого вещества, помещением его в пластиковую колбу и незаконным хранением до момента изъятия, расценены судом первой инстанции как отдельные преступления и квалифицированы соответственно по ч. 1 ст. 222¹ и ч. 1 ст. 223¹ УК РФ.

При этом суд не учел, что согласно разъяснениям, содержащимся в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 “О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств”, при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 222¹, 223¹, 225—226¹ УК РФ, под взрывчатыми веществами следует понимать химические соединения или смеси веществ, способные под влиянием внешних воздействий к быстрому самораспространяющемуся химическому превращению (взрыву). К ним относятся: тротил, аммониты, пластиты, эластиты, порох и т.п. Имитационно-пиротехнические средства (которые являются петарды) к взрывчатым веществам и взрывным устройствам не относятся.

В свою очередь, в соответствии с п. 11 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ под незаконным изготовлением взрывчатых веществ, влекущим уголовную ответственность, следует понимать их создание без полученной в установленном порядке лицензии, в результате чего они приобретают свойства взрывчатых веществ.

Между тем в результате извлечения виновным из имевшихся у него петард взрывчатого вещества оно каких-либо новых свойств не приобрело.

Указанные действия осужденного надлежит расценивать как незаконное хранение взрывчатого вещества и квалифицировать как единое преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 222¹ УК РФ, в связи с чем преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 223¹ УК РФ, ему вменено излишне.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ОЦЕНКОЙ ДЕЙСТВИЙ ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

Товарный знак (знак обслуживания) — обозначение, служащее для индивидуализации товаров, выполняемых работ или оказываемых услуг, исключительное право на которое удостоверяется свидетельством на товарный знак (ст.ст. 1477, 1481 ГК РФ).

Согласно положениям ст.ст. 1229, 1484 ГК РФ лицу, на имя которого зарегистрирован товарный знак (правообладателю), принадлежит исключительное право использования товарного знака любым не противоречащим закону способом.

В соответствии с п. 3 ст. 1484 ГК РФ никто не вправе использовать без разрешения правообладателя сходные с его товарным знаком обозначения в отношении товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, или однородных товаров, если в результате такого использования возникнет вероятность смешения.

Пунктами 1, 2 ст. 1486 ГК РФ предусмотрено, что правовая охрана товарного знака может быть прекращена досрочно вследствие неиспользования товарного знака непрерывно в течение трех лет. При этом под использованием товарного

знака понимается его использование правообладателем или лицом, которому такое право предоставлено на основании лицензионного договора, либо другим лицом, осуществляющим использование товарного знака под контролем правообладателя в соответствии с п. 2 ст. 1484 ГК РФ, за исключением случаев, когда соответствующие действия не связаны непосредственно с введением товара в гражданский оборот, а также использование товарного знака с изменением его отдельных элементов, не меняющим существа товарного знака и не ограничивающим охрану, предоставленную товарному знаку.

На основании ст. 10.bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. (далее — Парижская конвенция) и ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции” (далее — Закон о защите конкуренции) запрещается недобросовестная конкуренция при ведении хозяйственной деятельности.

Гражданским законодательством установлена обязанность участников правоотношений действовать добросовестно (п. 3 ст. 1 ГК РФ). В силу п. 4 названной статьи никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Согласно п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

При рассмотрении дел, связанных с оценкой действий правообладателей товарных знаков как недобросовестных, судами учитывается указанное нормативное регулирование, а также разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” (далее — постановление № 25), постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 “О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации” (далее — постановление № 10), постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2 “О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства” (далее — постановление № 2).

Исходя из правовых позиций, содержащихся в п. 1 постановления № 25, а также пп. 154, 162, 170, 171 постановления № 10, действия по приобретению прав на товарный знак, по его использованию и применению правообладателем конкретных мер защиты могут быть признаны судом недобросовестными и ему может быть отказано в защите права с учетом совокупности конкретных обстоятельств дела, свидетельствующих о неразумном и недобросовестном поведении, которые приводят к нарушению баланса интересов участников правоотношений.

По смыслу положений подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ, вследствие признания злоупотреблением правом действий правообладателя товарного знака, связанных с его приобретением, предоставление правовой охраны такому товарному знаку может быть оспорено и признано недействительным в порядке, предусмотренном ст. 1513 ГК РФ.

Согласно п. 1 ст. 1512 ГК РФ признание недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку влечет отмену решения федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности о регистрации товарного знака.

В целях обеспечения единообразного подхода к разрешению судами дел, связанных с оценкой действий правообладателей товарных знаков как недобросовестных, по результатам изучения и обобщения судебной практики Верховным Судом РФ на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” определены следующие правовые позиции.

1. Неиспользование товарного знака правообладателем, обращающимся за судебной защитой, само по себе не свидетельствует о злоупотреблении правом.

Общество обратилось в суд с иском к компании о взыскании суммы компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак “МЭЛТ” на основании ст. 1515 ГК РФ.

Исковое требование мотивировано тем, что ответчик при оказании услуг, связанных с использованием вычислительной техники и информационных технологий, посредством указания в договорах, счетах, на сайте компании незаконно использует товарный знак, правообладателем которого является истец.

Суд первой инстанции требование удовлетворил, отклонив доводы ответчика о наличии в действиях общества, не использовавшего товарный знак на момент предъявления иска для индивидуализации товаров, признаков злоупотребления правом.

Суд апелляционной инстанции поддержал выводы суда первой инстанции.

Суды установили следующее.

Общество является правообладателем товарного знака “МЭЛТ”, зарегистрированного в отношении ряда товаров и (или) услуг (программное обеспечение, механизмы для аппаратов с предварительной оплатой, компьютеры и компьютерная периферия, связь, передача сообщений, информация по вопросам связи, почта электронная и другие).

Ранее товарный знак использовался правопреемником общества и самим обществом в целях индивидуализации товаров в хозяйственной деятельности. Однако в силу производственных проблем товары, маркированные указанным товарным знаком, на момент рассмотрения дела судом истцом не производятся.

Требование о взыскании суммы компенсации заявлено до предъявления ответчиком на основании ст. 1486 ГК РФ иска о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака общества.

С учетом этого и установленных по делу обстоятельств суды обоснованно сделали вывод о том, что в данном случае неиспользование правообладателем товарного знака не свидетельствует о злоупотреблении правом (п. 154 постановления № 10).

2. Приобретение лицом права на товарный знак с намерением предъявления исков к добросовестным участникам гражданского оборота о взыскании суммы компенсации за нарушение исключительного права на данный товарный знак в отсутствие экономического интереса и цели использовать товарный знак для индивидуализации товаров не допускается.

Предприниматель обратился в суд с иском к обществу о взыскании суммы компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак “ПЛАНЕТА” на основании ст. 1515 ГК РФ.

Иск мотивирован нарушением ответчиком исключительного права истца при использовании в качестве названия торгового центра обозначения “ПЛАНЕТА”, сходного до степени смешения с товарным знаком предпринимателя.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, правомерно отказано в удовлетворении требования в связи со следующим.

Суд установил факт принадлежности предпринимателю исключительного права на товарный знак.

Вместе с тем его действия по приобретению исключительного права на товарный знак суд признал злоупотреблением правом, что явилось основанием для отказа в иске.

Суд учел, что истцом или иным лицом под его контролем деятельность по использованию товарного знака “ПЛАНЕТА” не осуществляется, спорный товарный знак не ассоциируется у потребителей с истцом. Напротив, ответчик представил доказательства известности его обозначения в связи с осуществляемой им деятельностью. Кроме того, суд указал, что предприниматель является обладателем исключительного права на значительное число товарных знаков и участником (истцом) в нескольких сотнях судебных дел, связанных с защитой права на товарные знаки.

Доказательства, представленные обществом в подтверждение недобросовестного поведения истца, в частности осуществления и ведения истцом экономической деятельности с использованием принадлежащего ему товарного знака “ПЛАНЕТА”, предприниматель не опроверг.

По смыслу ст.ст. 1 и 10 ГК РФ для признания действий какого-либо лица злоупотреблением правом судом должно быть установлено, что умысел такого лица был направлен на заведомо недобросовестное осуществление прав, единст-

венной его целью было причинение вреда другому лицу (отсутствие иных добросовестных целей).

В связи с этим для установления намерений истца при приобретении исключительного права на товарный знак “ПЛАНЕТА” суд первой инстанции исследовал и оценил как обстоятельства, связанные с самим приобретением исключительного права, так и последующее поведение правообладателя.

Суд сделал вывод о том, что истец совершил действия, направленные на приобретение права на товарный знак “ПЛАНЕТА” не с целью фактически использовать его для индивидуализации товаров, а для предъявления исков к добросовестным участникам гражданского оборота и взыскания в связи с этим соответствующей суммы компенсации.

Таким образом, предприниматель совершил попытку получить судебную защиту путем имитации нарушения исключительного права, что свидетельствует о намерении причинить вред другому лицу и о злоупотреблении им правом.

Следовательно, признавая действия обращающегося за судебной защитой правообладателя по приобретению права на товарный знак злоупотреблением правом, суд, кроме факта неиспользования товарного знака правообладателем, должен учесть цель приобретения указанного права, реальное намерение правообладателя его использовать, причины неиспользования.

Предоставление правовой охраны такому товарному знаку может быть оспорено и признано недействительным в порядке, предусмотренном ст. 1513 ГК РФ.

3. Оценка судом действий правообладателя в качестве злоупотребления правом по отношению к одним лицам не означает, что и по отношению к другим лицам данный правообладатель является недобросовестным.

Общество обратилось в суд первой инстанции с заявлением о признании недействительным решения Роспатента, которым на основании ст.ст. 1483, 1512 ГК РФ удовлетворено возражение предпринимателя против предоставления правовой охраны принадлежащему обществу товарному знаку, предоставление товарному знаку правовой охраны признано недействительным.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований, указав на недоказанность наличия в действиях предпринимателя признаков злоупотребления правом.

В кассационной жалобе в качестве основания для вывода о злоупотреблении предпринимателем своим исключительным правом общество ссылалось на то, что предприниматель не использует принадлежащий ему товарный знак.

Суд кассационной инстанции обоснованно оставил кассационную жалобу общества без удовлетворения, указав следующее.

Недобросовестность в действиях предпринимателя, связанных с приобретением противо-

поставленного товарного знака, установлена в судебном акте по другому делу.

В данном деле никаких доказательств недобросовестности предпринимателя, в том числе неиспользования им товарного знака, не представлено.

Суд кассационной инстанции отметил, что единожды установленное злоупотребление правом при регистрации конкретного товарного знака порождает право для заинтересованных лиц оспорить предоставление правовой охраны соответствующему знаку (подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ), но до тех пор, пока на основании возражения правовая охрана не будет прекращена, исключительное право на такой товарный знак действует в отношении третьих лиц без ограничений, а в отношении тех лиц, по отношению к которым установлена недобросовестность, — с учетом установленного факта недобросовестности.

С учетом этого злоупотребление правом в отношении одного лица само по себе не означает злоупотребления правом по отношению к другому лицу.

По отношению к обществу такая недобросовестность установлена не была.

В другом случае общество обратилось в суд с иском к компании о взыскании суммы компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении требования правообладателя отказано.

Суды исходили из следующего.

По смыслу ч. 2 ст. 69 АПК РФ обстоятельства, при рассмотрении дела по иску правообладателя о защите исключительного права на товарный знак, не имеют обязательного характера для лиц, не участвовавших в деле.

В то же время при рассмотрении иных исков (заявлений) правообладателя суд учитывает обстоятельства ранее рассмотренного дела, связанные с квалификацией действий этого же правообладателя по приобретению права на указанный товарный знак как злоупотребление правом. Если суд придет к иным выводам, чем содержащиеся в судебном акте по ранее рассмотренному делу, он должен указать соответствующие мотивы.

При рассмотрении иска суды учли, что в решении по иному делу по иску общества к предпринимателю суд установил, что действия общества, связанные с приобретением исключительного права на указанный товарный знак, совершены без намерения использовать в дальнейшем товарный знак для индивидуализации товаров и с целью предъявления исков к добросовестным участникам гражданского оборота и взыскания в связи с этим суммы компенсации.

С учетом указанного и представленных компанией доказательств суд сделал правомерный вывод о том, что в данном случае обществом предпринята очередная попытка получить судебную защиту путем имитации нарушения ис-

ключительного права, подтверждающая выводы, сделанные судом в ином деле о квалификации действий правообладателя по приобретению исключительного права на указанный товарный знак как злоупотребление правом.

4. Если действия правообладателя товарного знака не соответствуют критериям добросовестного поведения, суд выносит на обсуждение сторон вопрос об обстоятельствах, связанных с таким поведением.

Предприниматель обратился в суд с исковым заявлением к заводу о досрочном прекращении правовой охраны его товарного знака на основании ст. 1486 ГК РФ.

Суд первой инстанции иск удовлетворил, правовую охрану товарного знака прекратил.

Суд учел довод предпринимателя о том, что названный товарный знак в отношении производимого заводом товара не используется правообладателем на протяжении последних 3 лет. При этом судом первой инстанции при рассмотрении спора вопрос о недобросовестном поведении предпринимателя на обсуждение сторон не выносился.

Суд кассационной инстанции по жалобе завода правомерно отменил решение суда первой инстанции и направил дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

При рассмотрении дела судом первой инстанции завод ссылаясь на то, что предпринимателем в Роспатент направлено большое число заявок на регистрацию обозначений, как словесных, так и комбинированных, в качестве товарных знаков в отношении разнообразных товаров и услуг, в том числе в отношении товаров, выпускаемых заводом (велосипеды, комплектующие к ним).

Кроме того, завод отмечал, что истец не представил доказательств производства указанных товаров, наличия намерения использовать обозначение в своей хозяйственной деятельности, а также доказательств приготовления к такому использованию (например, приобретение соответствующего оборудования, аренда помещений для производства товаров). Таким образом, с учетом разъяснений, изложенных в п. 165 постановления № 10, истец не доказал свою заинтересованность в прекращении правовой охраны товарного знака.

В силу ч. 1 ст. 66 АПК РФ доказательства представляются лицами, участвующими в деле.

При указанных обстоятельствах с учетом разъяснений, приведенных в п. 1 постановления № 25, в случае, если суд усматривает очевидное отклонение действий правообладателя товарного знака от добросовестного поведения, суд должен, в том числе для соблюдения принципов процессуального права, закрепленных в ст.ст. 7, 8, 9 АПК РФ, вынести на обсуждение сторон вопрос об обстоятельствах, явно свидетельствующих о таком недобросовестном поведении истца.

В другом случае компания обратилась в суд с заявлением о признании недействительным ре-

шения Роспатента, которым отказано в удовлетворении возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку, поданного на основании п. 2 ст. 1513 ГК РФ.

Решением суда требования компании оставлены без удовлетворения.

Постановлением суда кассационной инстанции решение отменено, дело направлено на новое рассмотрение.

Суд кассационной инстанции правомерно указал, что податель возражения последовательно заявлял о представлении при подаче заявки на регистрацию товарного знака недостоверных документов о местонахождении юридического лица и его генеральном директоре. С учетом разъяснения, содержащегося в абз. 5 п. 171 постановления № 10, доводов заявителя кассационной жалобы и обстоятельств спора вопрос о недобросовестном поведении правообладателя при регистрации товарного знака и о влиянии представления недостоверных сведений о местонахождении правообладателя на регистрацию обозначения подлежал вынесению на обсуждение сторон.

5. Суд дает оценку действиям правообладателя товарного знака как добросовестным или недобросовестным с учетом обстоятельств заключения и исполнения лицензионных договоров.

Предприниматель обратился в суд с иском требованием к обществу о взыскании суммы компенсации за неправомерное использование обозначения, сходного до степени смешения с его товарными знаками (ст. 1515 ГК РФ).

Решением суда первой инстанции требование удовлетворено.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда отменено, в удовлетворении требования отказано, поскольку суд апелляционной инстанции установил в действиях истца по приобретению исключительного права на товарные знаки признаки злоупотребления правом.

Ответчик ссылаясь на то, что истец сам не использует товарный знак, а предоставил право использования другому лицу на основании лицензионного договора (ст. 1489 ГК РФ).

Суд апелляционной инстанции указал, что использование товарного знака не самим правообладателем, а иным лицом, с которым правообладателем заключен лицензионный договор, в соответствии с положениями ст. 1486 ГК РФ является правомерным способом использования товарного знака.

Вместе с тем, делая вывод о злоупотреблении истцом правом, суд апелляционной инстанции обоснованно учитывал, что истец не представил доказательств реализации лицензиатом товаров, защищаемых товарными знаками истца и однородных с товарами ответчика, или существования намерения такой реализации при заключении сторонами лицензионного договора (осуществления подготовки к реализации).

В другом случае в деле по иску правообладателя товарного знака к обществу о взыскании суммы компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак суд установил аффилированность правообладателя с его лицензиатом и мнимый характер заключенного ими лицензионного договора, сделал вывод о недобросовестности действий истца и отказал в удовлетворении его требования.

6. Действия лица, связанные с приобретением товарного знака, содержащего обозначение, сходное с товарным знаком, ранее принадлежавшим этому лицу, правовая охрана которого была досрочно прекращена в связи с неиспользованием (ст. 1486 ГК РФ), признаны злоупотреблением правом, поскольку они были направлены на преодоление вступившего в законную силу судебного акта и препятствовали иному лицу осуществить регистрацию товарного знака и использовать его.

Компания обратилась в суд с заявлением о признании недействительным решения Роспатента, которым отказано в удовлетворении возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку, зарегистрированному за обществом.

В обоснование своего заявления компания указала на то, что действия общества по подаче заявления на регистрацию товарного знака являлись злоупотреблением правом, поскольку ранее общество неоднократно осуществляло регистрацию сходных товарных знаков, правовая охрана каждого из которых прекращалась на основании п. 1 ст. 1486 ГК РФ в связи с неиспользованием, однако каждый раз до истечения трехлетнего срока существования предыдущего товарного знака общество регистрировало сходный товарный знак.

Решением суда первой инстанции требование компании удовлетворено, действия общества по приобретению права на товарный знак признаны злоупотреблением правом, правовая охрана товарного знака общества прекращена.

Суд первой инстанции установил, что ранее между истцом и ответчиком рассмотрен судебный спор о досрочном прекращении правовой охраны иного товарного знака, принадлежавшего обществу, на основании ст. 1486 ГК РФ по заявлению компании. Признав компанию заинтересованным лицом, суд досрочно прекратил правовую охрану товарного знака общества.

Исходя из высокой степени сходства товарного знака, решение Роспатента об отказе в удовлетворении возражения против предоставления правовой охраны которому обжаловалось истцом, и товарного знака, правовая охрана которого была прекращена ввиду неиспользования, суд в соответствии со ст. 10 ГК РФ сделал правильный вывод о том, что действия общества нельзя признать добросовестными, поскольку они направлены на преодоление вступившего в силу решения суда о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака, а также на создание препятствий в использовании обозначения заинтересованным лицом.

7. Действия лица, связанные с регистрацией в качестве товарного знака обозначения, включающего в себя сильный элемент товарного знака иного лица, если этот элемент обладает широкой известностью и высокой степенью узнаваемости потребителями, признаны судом недобросовестными.

Компания обратилась в суд первой инстанции с заявлением о признании недействительным решения Роспатента об отказе в удовлетворении возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку организации.

Решением суда, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, заявленное требование удовлетворено. На основании подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ решение административного органа признано недействительным с учетом установленного судом злоупотребления правом со стороны правообладателя при регистрации товарного знака, предоставление правовой охраны товарному знаку признано недействительным полностью.

Суд правомерно исходил из следующего.

Компания, ее продукция и используемая для маркировки продукции серия обозначений, включающих единый элемент, обладают широкой известностью. Единый элемент представляет собой изображение 3 полос с неровными краями, напоминающий след от когтей животного.

Правообладатель на момент регистрации товарного знака знал о серии обозначений, используемых компанией, каждое из которых включает в себя один и тот же элемент, а также о том, что указанные обозначения обладают широкой известностью.

Суд с учетом разъяснений, сформулированных в п. 162 постановления № 10, исследовал вопрос о восприятии потребителями товарного знака и о возможности возникновения у потребителей разумных и правдоподобных ассоциаций с продукцией компании и используемого ею обозначения и установил, что элемент серии обозначений компании в виде изображения следа от когтей животного является сильным, поскольку обладает широкой известностью и имеет высокую степень узнаваемости у потребителя, в связи с чем использование данного элемента серии обозначений правообладателем в своем товарном знаке приводит к ассоциации товаров правообладателя у потребителей с товарами компании.

Суд установил, что правообладатель знал об использовании узнаваемого элемента обозначения в хозяйственной деятельности иным лицом. Данные действия правообладателя не являются обычной деловой практикой и нарушают права компании.

Согласно подп. 1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ товарный знак в качестве средства индивидуализации не должен вводить в заблуждение участников гражданского оборота и потребителей продукции в отношении производителя товара.

8. Не подлежит удовлетворению возражение против предоставления правовой охраны товарному знаку другого лица в случае, если оно подано исключительно с намерением причинить вред этому лицу и лишить его права на товарный знак.

За иностранной компанией зарегистрирован словесный товарный знак “TOP GEAR”.

Предприниматель обратился в Роспатент с возражением против предоставления правовой охраны товарному знаку компании в связи с его несоответствием требованиям ст. 1483 ГК РФ. В обоснование возражения предприниматель сослался на то, что этот товарный знак является сходным до степени смешения с принадлежащим ему товарным знаком, который также включает в себя словесный элемент “TOP GEAR”, с более ранним приоритетом в отношении однородных товаров. Роспатент удовлетворил возражения предпринимателя.

Компания, не согласившись с выводами Роспатента, положенными в основу решения, обратилась в суд первой инстанции с заявлением о признании его недействительным.

Решением суда требования компании удовлетворены.

Судом установлено следующее.

Товарный знак компании обладал широкой известностью и ассоциировался с ней у потребителей на момент приобретения противопоставленного товарного знака предпринимателем.

Предприниматель приобрел исключительное право на данный товарный знак у другого лица, никогда его не использовал и не имел намерения использовать для индивидуализации товаров.

Цель приобретения товарного знака для использования в собственной коммерческой деятельности предприниматель не подтвердил, доказательств как использования товарного знака, так и осуществления подготовки к такому использованию не представил.

Кроме того, предприниматель в ходе рассмотрения иска о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака (ст. 1486 ГК РФ) в порядке, предусмотренном п. 5 ст. 1514 ГК РФ, самостоятельно прекратил правовую охрану товарного знака в связи с неиспользованием.

В связи с этим суд пришел к выводу о том, что предприниматель, подавая возражение в Роспатент, не преследовал цель защитить свое исключительное право на противопоставленный товарный знак, а стремился к созданию препятствия для добросовестного использования иностранной компанией своего товарного знака, причинению вреда компании и лишению ее права на принадлежащее ему средство индивидуализации, а следовательно, злоупотребил правом.

Исходя из того, что удовлетворение возражения такого лица недопустимо, суд правомерно признал оспариваемое решение административного органа недействительным.

9. Действия правообладателя, связанные с регистрацией более поздних товарных знаков, презюмируются в качестве добросовестных, если на дату подачи заявки на первые товарные знаки одной серии отсутствуют доказательства иного.

Завод обратился в суд первой инстанции с заявлением о признании недействительным решения Роспатента об отказе в удовлетворении возражения против предоставления правовой охраны принадлежащему обществу товарному знаку на основании ст. 1483 ГК РФ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, в удовлетворении заявленных требований отказано ввиду следующего.

Товарный знак, против предоставления правовой охраны которому завод подавал возражения, входит в серию (группу) товарных знаков, связанных между собой наличием одного и того же доминирующего комбинированного обозначения со словесными элементами “STONE LAND”/“СТРАНА КАМНЕЙ”, имеющих семантическое сходство, а также несущественные графические отличия, не изменяющие сущность товарных знаков, принадлежащих обществу.

Ранее в суде рассмотрен иск общества к заводу о взыскании суммы компенсации за нарушение его права на товарный знак. Завод против удовлетворения требования возражал, указывая на недобросовестное поведение общества при регистрации товарного знака. Суд требование общества удовлетворил, указав, что завод не доказал недобросовестность общества при регистрации товарного знака.

Суд установил, что товарный знак, за нарушение исключительного права на который с завода в пользу общества взыскана сумма компенсации, также входит в серию товарных знаков общества вместе с товарным знаком, против предоставления правовой охраны которому подано возражение, включающих в себя комбинированное обозначение со словесными элементами “STONE LAND”/“СТРАНА КАМНЕЙ”. При этом товарный знак, за нарушение права на который взыскана сумма компенсации, зарегистрирован ранее, чем товарный знак, в отношении которого подано возражение.

Суд сделал обоснованный вывод о том, что заводом в материалы дела не представлены новые доказательства о недобросовестности общества при регистрации товарного знака по сравнению с теми, которые завод представлял при рассмотрении спора о взыскании с него суммы компенсации. При отсутствии недобросовестной цели приобретения исключительного права на товарный знак на дату подачи заявки на первые товарные знаки серии отсутствие такой цели в отношении более поздних товарных знаков презюмируется, если в таком случае не представляются иные доказательства.

10. В деле о признании решения Роспатента недействительным обязанность доказать использование противопоставленного товарного знака не может быть возложена на его правообладателя, привлеченного к участию в этом деле в качестве третьего лица.

Предприниматель подал в Роспатент возражение против предоставления правовой охраны товарному знаку на основании ст. 1483 ГК РФ. В обоснование возражения предприниматель ссылался на то, что он является правообладателем двух товарных знаков, сходных до степени смешения со спорным товарным знаком общества.

Роспатент удовлетворил возражение, установив, что сходные до степени смешения с товарным знаком общества товарные знаки предпринимателя зарегистрированы в отношении однородных товаров и имеют более ранний приоритет (п. 6 ст. 1483 ГК РФ).

Общество обратилось в суд с требованием о признании решения Роспатента недействительным, ссылаясь, в частности, на то, что действия предпринимателя являются злоупотреблением правом, поскольку он не осуществляет деятельность, аналогичную деятельности общества, а приобрел исключительное право на товарные знаки лишь с целью причинения вреда хозяйствующим субъектам.

Суд первой инстанции, рассмотрев дело по правилам главы 24 АПК РФ, заключил, что общество не доказало факт злоупотребления правом со стороны предпринимателя, и отказал в удовлетворении заявления.

Решение суда первой инстанции оставлено в силе судом кассационной инстанции. Суд кассационной инстанции обоснованно указал на следующее.

По общему правилу неиспользование товарного знака устанавливается в деле по иску заинтересованного лица к правообладателю товарного знака о досрочном прекращении его правовой охраны вследствие неиспользования. Именно в таком процессе с учетом требований ст. 1486 ГК РФ на правообладателе лежит бремя доказывания использования принадлежащего ему товарного знака (п. 166 постановления № 10).

В приведенном деле о признании недействительным решения Роспатента, рассматриваемом по правилам главы 24 АПК РФ, правообладатель противопоставленного товарного знака не является стороной спора, и на него как на третье лицо не может быть возложена обязанность доказывать использование этого знака.

При рассмотрении такого требования суд вправе, в частности, учесть обстоятельства, связанные с неиспользованием противопоставленного товарного знака и установленные на основании судебных актов по ранее рассмотренному делу о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака.

11. При рассмотрении требования о пресечении действий, нарушающих исключительное право на товарный знак в виде запрета на реализацию продукции, на которой товарный знак размещен са-

ним правообладателем или с его согласия, если эта продукция была ввезена на территорию Российской Федерации для введения в оборот без согласия правообладателя товарного знака, суду необходимо оценить добросовестность действий этого лица.

Иностранная компания обратилась в суд с иском к банку с требованием о пресечении действий, нарушающих исключительное право истца на товарный знак в виде запрета на реализацию товара, на котором товарный знак размещен самим правообладателем, а также о взыскании суммы компенсации (ст.ст. 1250, 1252, ст. 1515 ГК РФ).

По мнению истца, ответчик вводит в оборот продукцию (медицинское оборудование), ранее ввезенную на территорию Российской Федерации без согласия истца (правообладателя товарного знака), осуществляя хранение товаров с целью продажи и предлагая их к продаже (параллельный импорт).

Суд первой инстанции иск удовлетворил частично, запретил ответчику незаконную реализацию товаров, маркированных обозначениями, сходными до степени смешения с данным товарным знаком, и взыскал с ответчика сумму компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак, снизив заявленный размер.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска компании отказано исходя из следующего.

Суд учел правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в Постановлении от 13 февраля 2018 г. № 8-П “По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “ПАГ”, согласно которой применение такой меры, как запрет на реализацию оригинальной продукции, признанной параллельным импортом, требует проверки добросовестности правообладателя и наличия у него разумного экономического интереса.

Реализация прав правообладателя не должна приводить к наложению на ответчика имущественной санкции, несоразмерной ущербу, и созданию чрезмерного дисбаланса интересов участников гражданского оборота. Никто, включая правообладателя, не вправе извлекать преимущества из своего недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ).

Суд пришел к выводу о недобросовестности действий истца по защите права, исходя из совокупности следующих обстоятельств.

Требование о взыскании суммы компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак, использованный в отношении оригинальной (неподдельной) продукции, изначально реализованной самим правообладателем, заявлено в необоснованно высоком разме-

ре. Такое требование предъявлено к банку, который не является профессиональным участником на рынке медицинского оборудования, не ввозил на территорию Российской Федерации оборудование, а приобрел на него право как залогодержатель. Вместе с тем к лицам, непосредственно участвовавшим во ввозе на территорию России, требования иностранной компанией не предъявлялись. Иностранная компания подтвердила, что имеет опыт предоставления согласия на ввоз оборудования лицам, не являвшимся его дистрибьютором, а в ряде случаев давала такое согласие безвозмездно. Однако в предложении банка о возмездном предоставлении такого согласия в отношении указанного товара иностранная компания отказала без обоснования разумных мотивов. Кроме того, иностранная компания отвергла предложение банка о выкупе у него указанного медицинского оборудования.

В обоснование добросовестности своих действий иностранная компания сослалась на добровольное вступление в переговоры с ответчиком, осуществление действий по осмотру и подтверждению оригинальности товара, уточнение исковых требований с отказом от требования об уничтожении товара.

Суд счел, что указанные действия иностранной компании сами по себе не свидетельствуют о добросовестности истца.

Постановлением Правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 311 “О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 8 марта 2022 г. № 100” до 31 декабря 2022 г. включительно введен запрет на вывоз за пределы территории Российской Федерации товаров по перечню согласно приложению.

В сложившейся ситуации у банка не имеется возможности реализовать товар в странах, где их реализация разрешена, а оставление товара (предмета залога) за собой приведет к утрате его ценности и полезных свойств, возможности использовать по назначению, возложит на банк расходы на хранение и, в конечном счете, на утилизацию и не позволит получить удовлетворение от реализации заложенного имущества. Запрет на реализацию товара в данном случае равносителен требованию о его уничтожении, от которого истец отказался.

Поскольку компания не обосновала, какой разумный экономический интерес лежит в основе ее требования, применение выбранного способа защиты исключительного права на товарный знак влечет для банка неблагоприятные последствия. Принимая во внимание необходимость обеспечения баланса конкурирующих интересов сторон и соразмерности назначаемой меры ответственности совершенному нарушению, суд сделал обоснованный вывод о том, что поведение истца является недобросовестным и направлено не на защиту своих прав как правообладателя, а на обогащение за счет ответчика (ст. 10 ГК РФ).

12. Для квалификации действий правообладателя по приобретению исключительного права на товарный знак в качестве недобросовестной конкуренции суду следует установить, отвечают ли такие действия совокупности условий, определенных ст. 10.bis Парижской конвенции и п. 9 ст. 4 Закона о защите конкуренции.

Гражданин, не имеющий статуса индивидуального предпринимателя, обратился в суд с иском к предпринимателю, в котором просил признать совокупность его действий недобросовестной конкуренцией.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, в удовлетворении требований отказано.

В ходе рассмотрения дела суд первой инстанции установил, что истец и ответчик являются братьями по отцу и длительное время совместно с отцом участвовали в развитии сети автошкол, являясь как наемными работниками, так и участниками создаваемых для осуществления данной деятельности юридических лиц.

Исследуя их отношения на момент регистрации ответчиком товарного знака, суд установил, что истец самостоятельную предпринимательскую деятельность не осуществлял, ответчик на эту же дату имел статус индивидуального предпринимателя.

Суд указал, что в соответствии с положениями ст. 10.bis Парижской конвенции и п. 9 ст. 4 Закона о защите конкуренции при рассмотрении спора о запрете недобросовестной конкуренции должна быть установлена совокупность условий: факта осуществления хозяйствующим субъектом действий, способных оказать влияние на состояние конкуренции; отличия избранного хозяйствующим субъектом способа конкуренции на рынке от поведения, которое в подобной ситуации ожидалось бы от любого субъекта, преследующего свой имущественный интерес, но не выходящего за пределы осуществления гражданских прав и честной деловой практики; направленности поведения хозяйствующего субъекта на получение преимущества, в частности имущественной выгоды или возможности ее извлечения, при осуществлении экономической деятельности за счет иных участников рынка, в том числе посредством оказания влияния на выбор покупателей (потребителей), на возможность иных хозяйствующих субъектов, конкурирующих добросовестно, извлекать преимущество из предложения товаров на рынке, на причинение вреда хозяйствующим субъектам-конкурентам иными подобными способами (например, в результате использования (умаления) чужой деловой репутации).

Суд установил, что ответчик не осуществляет действия, способные оказать влияние на состояние конкуренции, а также то, что между сторонами отсутствуют конкурентные отношения на дату совершения ответчиком действий, направленных на приобретение исключительного права на товарный знак, основываясь на том, что истец на исследуемую дату самостоятельной предпринимательской деятельности не осуществлял (п. 30 постановления № 2).

С учетом изложенного суд сделал вывод, что действия предпринимателя не являются недобросовестной конкуренцией.

В другом случае общество обратилось в суд с исковым заявлением к компании о признании действий по приобретению исключительного права на товарный знак недобросовестной конкуренцией.

В обоснование заявленных требований истец указал, что между ним и ответчиком заключено соглашение, по условиям которого ответчик обязался выполнить работы по разработке и передаче истцу регистрационной документации на лекарственный препарат под наименованием, тождественным товарному знаку истца.

Ответчик просил отказать в иске, поскольку между ним и истцом отсутствуют конкурентные отношения, он непосредственно не занимается такими видами лицензируемой деятельности, как производство, оптовая торговля фармацевтической продукцией. Основными видами деятельности ответчика являются научные исследования и разработка лекарственных препаратов.

Суд обоснованно удовлетворил исковые требования с учетом следующего.

Истец осуществляет введение в гражданский оборот лекарственных средств.

Подтверждением конкурентного характера отношений сторон спора является наличие у них регистрационных удостоверений на лекарственные препараты.

Помимо прочего суд учел имеющуюся в материалах дела копию заявления ответчика о признании недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку истца, в котором ответчик указал, что сам занимается введением в гражданский оборот лекарственных средств.

Суд сделал вывод о том, что виды деятельности истца и ответчика совпадают, стороны спора осуществляли свою деятельность на едином рынке обращения фармацевтических препаратов. Следовательно, они осуществляли действия, способные оказать влияние на состояние конкуренции, между ними существовали конкурентные отношения, а действия компании в данном случае являются недобросовестной конкуренцией.

13. Для оценки действий правообладателя по приобретению и использованию (ст. 14⁴ Закона о защите конкуренции) или только по приобретению (ст. 14⁸ Закона о защите конкуренции) исключительного права на товарный знак как недобросовестной конкуренции суду следует установить, что недобросовестность имела место на момент обращения с заявкой на регистрацию обозначения в качестве товарного знака.

Предприниматель обратился в суд с иском к обществу о признании действий по приобретению и использованию исключительного права на товарный знак “VARDA” недобросовестной конкуренцией (ст. 14⁴ Закона о защите конкуренции).

Предприниматель указал, что использует сходное обозначение в качестве псевдонима и

логотипа в своей творческой деятельности, впоследствии начал производить одежду с таким обозначением. Ответчик сходное обозначение зарегистрировал в качестве товарного знака несколько лет спустя в отношении некоторых категорий одежды.

Суд отказал в удовлетворении требований, исходя из следующего.

Не могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков обозначения, тождественные псевдону (п. 1 ст. 1265 и подп. 3 п. 1 ст. 1315 ГК РФ) или производному от него обозначению, портрету или факсимиле известного в Российской Федерации на дату подачи заявки лица, без согласия этого лица или его наследника (подп. 2 п. 9 ст. 1483 ГК РФ).

Надлежащие доказательства, позволяющие оценить степень известности на территории Российской Федерации предпринимателя в качестве лица, осуществляющего деятельность по созданию и реализации одежды, в том числе осведомленности ответчика о его деятельности, об использовании предпринимателем обозначения "VARDA", сходного с товарным знаком общества на дату его приоритета, не представлены.

При таких обстоятельствах суд пришел к выводу об отсутствии доказательств наличия у ответчика намерения (цели) посредством приобретения исключительного права на товарный знак "VARDA" получить необоснованные преимущества за счет его единоличного использования, причинить вред хозяйствующим субъектам-конкурентам или вытеснить их с товарного рынка путем предъявления требований, направленных на пресечение использования спорного обозначения, воспользоваться чужой репутацией.

Суд указал, что недобросовестность правообладателя должна быть установлена на стадии обращения с заявкой на регистрацию обозначения в качестве товарного знака, поскольку в указанный момент реализуется намерение (умысел) на недобросовестное конкурирование с иными участниками рынка посредством использования исключительного права на товарный знак, предусматривающего запрет иным лицам применять для индивидуализации товаров и услуг тождественные или сходные обозначения.

Последующее же поведение правообладателя может лишь подтверждать либо опровергать тот факт, что при приобретении исключительного права на товарный знак он действовал недобросовестно.

14. Наличие или отсутствие недобросовестной конкуренции в действиях лица должно устанавливаться судом по отношению к истцу, а не к иным лицам.

Общество обратилось в суд с иском к компании о признании действий по приобретению и использованию исключительного права на товарный знак недобросовестной конкуренцией (ст. 14⁴ Закона о защите конкуренции).

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, в удовлетворении требований отказано.

Поскольку цель совершаемых лицом действий при недобросовестной конкуренции направлена на создание преимуществ перед конкурентами, необходимо установление взаимоотношений между истцом и ответчиком на дату совершения ответчиком действий, направленных на приобретение исключительного права на товарный знак.

С учетом того, что дело рассматривается в порядке искового производства, действия ответчика, которому истец вменяет совершение недобросовестной конкуренции, подлежат исследованию на предмет их добросовестности по отношению к истцу, а не к иным хозяйствующим субъектам (последнее относится к полномочиям антимонопольного органа).

В отличие от дел о нарушении антимонопольного законодательства, рассматриваемых административным органом в первую очередь в публичных интересах (ч. 2 ст. 1 Закона о защите конкуренции), суд, рассматривая в порядке искового производства спор о нарушении антимонопольного законодательства, исходит из частных интересов лиц, участвующих в деле.

По делу о признании недобросовестными действий лица по приобретению и использованию исключительного права на средство индивидуализации, рассматриваемому судом, сторона, заявляющая о такой недобросовестности, должна доказать нарушение своих прав на момент приобретения ответчиком исключительного права.

На это же обращает внимание Верховный Суд РФ в п. 61 постановления № 2, разъясняя, что правом на иск обладают лица, чьи права нарушены в результате несоблюдения требований антимонопольного законодательства иными участниками гражданского оборота.

Судами установлено, что истец зарегистрировал обозначение в качестве товарного знака и начал его использовать, в то время как ответчик начал использование данного обозначения намного раньше, в связи с чем поведение ответчика нельзя признать недобросовестным.

Доводы истца о том, что иные субъекты использовали указанное обозначение до начала его использования ответчиком, суд обоснованно отклонил, отметив, что в ходе рассмотрения иска о признании действий правообладателя по приобретению исключительного права на товарный знак суд разрешает частный спор, определяя наличие или отсутствие недобросовестной конкуренции в действиях ответчика по отношению к истцу, а не иным лицам (ст. 12 ГК РФ, ч. 3 ст. 37 Закона о защите конкуренции).

15. Прекращение правовой охраны товарного знака судом не препятствует возможности признания недобросовестной конкуренцией конкретных действий правообладателя по приобретению исключительного права на товарный знак, если такие действия были совершены на момент подачи заявки на его регистрацию.

Несколько лиц обратились в антимонопольный орган с заявлением о признании действий

общества по приобретению и использованию исключительного права на товарные знаки актом недобросовестной конкуренции и нарушающими положения ст. 10.bis Парижской конвенции, п. 9 ст. 4, ст.ст. 14⁴ и 14⁸ Закона о защите конкуренции.

Антимонопольный орган пришел к выводу об отсутствии в действиях общества нарушений норм ст. 14⁴ Закона о защите конкуренции, поскольку товарные знаки не использовались обществом. Вместе с тем антимонопольный орган усмотрел в действиях общества по регистрации указанных товарных знаков нарушение требований ст. 14⁸ Закона о защите конкуренции.

В то же время антимонопольный орган установил, что судом приняты решения о прекращении правовой охраны товарных знаков на основании п. 1 ст. 1486 ГК РФ. В связи с этим антимонопольный орган счел невозможным выдачу обществу предупреждения об устранении признаков нарушения антимонопольного законодательства.

С учетом изложенного антимонопольный орган принял решение о прекращении рассмотрения дела.

Не согласившись с этим решением, заявители обратились в суд с требованием признать решение антимонопольного органа недействительным.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявленного требования.

Суд кассационной инстанции обоснованно отменил решение суда первой инстанции, указав, что при рассмотрении вопроса о добросовестности регистрации товарных знаков исследованию могут подлежать как обстоятельства, связанные с самой регистрацией, так и последующее поведение правообладателя, из которого может быть установлена цель такой регистрации.

16. Отсутствие оснований для выдачи предупреждения об устранении признаков нарушения антимонопольного законодательства, предусмотренного ст. 14⁸ Закона о защите конкуренции, не препятствует антимонопольному органу принять решение о возбуждении дела или прекращении его рассмотрения.

Общество обратилось в антимонопольный орган с заявлением о нарушении заводом положений ст. 14⁸ Закона о защите конкуренции.

По результатам рассмотрения заявления общества антимонопольный орган вынес решение об отказе в возбуждении дела по признакам нарушения антимонопольного законодательства.

В отношении требования о квалификации действий завода в качестве нарушения общего запрета, установленного ст. 14⁸ Закона о защите конкуренции, антимонопольный орган указал, что в данном случае предполагается не возбуждение дела о нарушении антимонопольного законодательства, а выдача предупреждения о прекращении действий (бездействия), которые

содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства, в порядке, предусмотренном ст. 39¹ Закона о защите конкуренции. Однако правовые основания для выдачи предупреждения отсутствуют, поскольку товарный знак завода уже зарегистрирован и действия завода, в которых общество усматривает признаки нарушения антимонопольного законодательства, прекращены, а описания последствий указанных действий заявление не содержит.

Общество обратилось в суд с заявлением о признании решения антимонопольного органа недействительным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, заявление общества удовлетворено в связи со следующим.

Суд правомерно отметил, что правовая позиция антимонопольного органа не соответствует положениям абз. 3 п. 169 постановления № 10.

При применении положения п. 2 ст. 39¹ Закона о защите конкуренции следует учитывать, что исходя из положений п. 1 ст. 39¹ Закона о защите конкуренции выдача предупреждения антимонопольным органом возможна только в целях пресечения действий (бездействия), которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции и (или) ущемлению интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо к ущемлению интересов неопределенного круга потребителей.

В рассматриваемом случае общество в своем заявлении приводило доводы о наличии признаков нарушения антимонопольного законодательства, выразившегося в действиях завода по государственной регистрации товарного знака, т.е. в действиях, которые уже совершены, в связи с чем они не носят длящийся характер и, соответственно, не могут быть пресечены.

Добровольное пресечение таких действий невозможно в том числе потому, что отказ правообладателя от права на товарный знак не достигает тех последствий, к которым приводит установление недобросовестности при регистрации этого знака (прекращение исключительного права на будущее в первом случае и аннулирование товарного знака с момента подачи в Роспатент заявки на государственную регистрацию товарного знака во втором случае).

При таких обстоятельствах отсутствие оснований выдачи предупреждения не может препятствовать принятию антимонопольным органом решения о возбуждении дела о нарушении норм ст. 14⁸ Закона о защите конкуренции.

Обратное свидетельствовало бы о принципиальной невозможности возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства, выразившемся в действиях третьих лиц по приобретению исключительного права на товарные знаки.

В другом случае антимонопольный орган рассмотрел обращение предпринимателя о признании действий общества по приобретению и использованию исключительного права на товарный знак недобросовестной конкуренцией. Антимонопольный орган сделал вывод об отсутствии в действиях общества нарушения, предусмотренного ст. 14⁴ Закона о защите конкуренции. При этом также провел проверку на соответствие действий общества требованиям ст. 14⁸ Закона о защите конкуренции.

Антимонопольный орган установил, что предприниматель и общество являлись конкурентами на рынке реализации сувенирной продукции, общество направляло претензии в адрес пользователей, распространявших эту продукцию, в том числе предпринимателя, и сообщество данного предпринимателя в социальных сетях было заблокировано. Антимонопольный орган пришел к выводу, что названные действия общества могут быть квалифицированы в качестве нарушения норм ст. 14⁸ Закона о защите конкуренции.

Поскольку данное обстоятельство не было известно на момент возбуждения дела, антимонопольный орган выдал предупреждение о совершении действий, необходимых для снятия блокировки упомянутого сообщества в социальной сети. Указанное предупреждение было исполнено, поэтому антимонопольный орган прекратил рассмотрение дела на основании ч. 7 ст. 39¹, п. 1 ч. 1 ст. 48 Закона о защите конкуренции.

Не согласившись с таким решением, предприниматель обратился в суд с заявлением о признании его недействительным и возложении на антимонопольный орган обязанности возобновить рассмотрение дела.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требования.

Суд кассационной инстанции по жалобе предпринимателя отменил решение суда первой инстанции и направил дело на новое рассмотрение, отметив следующее.

С учетом положений п. 1 ст. 39¹ Закона о защите конкуренции суду первой инстанции следовало проверить существо конкретного нарушения, которое охватывается заявлением предпринимателя, содержание конкретного предупреждения и то, позволило ли это предупреждение устранить предполагаемое нарушение антимонопольного законодательства в действительности.

Отсутствие предупреждения, выданного антимонопольным органом, в том числе по причине того, что оно не может пресечь регистрацию товарного знака, не препятствует возбуждению дела о нарушении норм ст. 14⁸ Закона о защите конкуренции.

Кроме того, с учетом открытости перечня действий, которые могут быть квалифицированы как недобросовестная конкуренция, сами по себе недобросовестные действия по приобретению исключительного права на товарный знак без недобросовестных действий по использованию такого права, по общему правилу, могут являться недобросовестной конкуренцией.

17. Факт осведомленности заявителя об использовании другим лицом обозначения при подаче заявки на регистрацию товарного знака устанавливается судом с учетом того, насколько широко используется это обозначение, насколько оно оригинально и узнаваемо.

Общество обратилось в антимонопольный орган с заявлением о признании действий компании по приобретению и использованию исключительного права на словесный товарный знак “Guosai” недобросовестной конкуренцией и нарушающими положения ст. 14⁴ Закона о защите конкуренции.

Решением антимонопольного органа действия компании по приобретению и использованию исключительного права на товарный знак признаны недобросовестной конкуренцией.

Антимонопольный орган установил, что общество и компания осуществляют деятельность на одном товарном рынке продажи бытовых товаров в географических границах Российской Федерации и являются конкурентами, а также обнаружил факты использования обществом обозначения “Guosai” до даты подачи компанией заявки на регистрацию товарного знака и известности компании о таком использовании.

Компания обжаловала указанное решение в суд.

Суд признал ошибочными выводы антимонопольного органа о наличии конкурентных отношений между обществом и компанией, указав на отсутствие в материалах дела доказательств наличия таких отношений, а также не согласился с мнением о доказанности факта использования обществом указанного обозначения и об осведомленности компании о таком использовании.

Суд кассационной инстанции обоснованно отменил решение суда первой инстанции и направил дело на новое рассмотрение, отметив следующее.

Суд первой инстанции не исследовал вопрос о вероятности случайного совпадения обозначений и не учел разъяснения, изложенные в п. 169 постановления № 10.

При отсутствии прямых доказательств осведомленности компании об использовании обществом обозначения “Guosai” на момент подачи заявки такое знание о факте может быть установлено на основе доказательств, свидетельствующих о вероятности того, что компания не случайно выбрала такое же обозначение, а обладала сведениями об использовании этого обозначения обществом.

Такая вероятность устанавливается в том числе с учетом особенностей самого спорного обозначения: чем более широко оно используется и чем более оно оригинально и узнаваемо, тем меньше вероятность того, что два лица могли начать его использование самостоятельно, независимо друг от друга.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
15 ноября 2023 г.)*

ОБОБЩЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО КОРПОРАТИВНЫМ СПОРАМ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ИНФОРМАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ОБЩЕСТВАМИ

В целях выявления актуальных вопросов, возникающих у арбитражных судов в ходе применения закона при разрешении корпоративных споров о предоставлении информации хозяйственными обществами по требованию участников (акционеров), Верховным Судом РФ проведено изучение и обобщение соответствующей судебной практики.

Отношения, связанные с предоставлением информации участникам (акционерам) хозяйственных обществ, регулируются Гражданским кодексом РФ, Федеральным законом от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об обществах с ограниченной ответственностью) и Федеральным законом от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об акционерных обществах).

Изучение судебной практики показало, что арбитражные суды в целом правильно применяют положения Закона об акционерных обществах и Закона об обществах с ограниченной ответственностью о порядке и условиях предоставления информации участникам корпораций. Вместе с тем проведенный анализ выявил необходимость обратить внимание судов на ряд актуальных проблем с целью формирования единообразных правовых позиций при рассмотрении дел данной категории.

Вопросы, связанные с определением круга лиц, имеющих право на получение информации о деятельности хозяйственных обществ

Участники (акционеры)

1. Право участников и акционеров хозяйственных обществ на получение информации о деятельности общества (право на информацию) в общем виде закреплено в п. 1 ст. 67 и в п. 1 ст. 65² ГК РФ, согласно положениям которых участники корпорации (участники, члены, акционеры и т.п.), в том числе участники хозяйственного общества, вправе в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом и учредительным документом корпорации, получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией.

Закон об обществах с ограниченной ответственностью и Закон об акционерных обществах развивают и конкретизируют эти общие положения Гражданского кодекса РФ применительно к хозяйственным обществам: ст. 50 Закона об обществах с ограниченной ответственностью установлены основания и порядок предоставления такой информации участникам общества с ограниченной ответственностью, а ст. 91 Закона об акционерных обществах — акционерам публичных и непубличных акционерных обществ.

По смыслу положений п. 1 ст. 65² ГК РФ, ст. 50 Закона об обществах с ограниченной ответственностью и ст. 91 Закона об акционерных обществах предоставление участнику (акционеру) хозяйственного общества информации является необходимым условием для реализации его правомочий на участие в управлении делами общества. В связи с этим право на получение информации о деятельности общества и ознакомление с его документами бухгалтерского учета, иной документацией неразрывно связано с наличием у лица статуса участника (акционера) хозяйственного общества.

С учетом приведенных положений при разрешении споров о предоставлении информации участникам (акционерам) хозяйственных обществ арбитражные суды устанавливают обстоятельства, касающиеся наличия или отсутствия у истца статуса участника (акционера) хозяйственного общества на день обращения заявителя к обществу с требованием о предоставлении информации в зависимости от характера спора, а также на день рассмотрения спора¹.

2. В силу п. 5 ст. 31¹ Закона об обществах с ограниченной ответственностью в случае возникновения споров по поводу несоответствия сведений, указанных в списке участников общества, сведениям, содержащимся в Едином государственном реестре юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ), право на долю или часть доли в уставном капитале общества устанавливаются на основании сведений, содержащихся в ЕГРЮЛ. Положениями указанной нормы обязанность ведения списка участников общества и обязанность обеспечения соответствия сведений списка сведениям ЕГРЮЛ возложены на общество.

Если в ходе рассмотрения споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ, созданных в форме обществ с ограниченной ответственностью, арбитражными судами устанавливается, что общество требовало от лица подтверждения статуса участника (выписку из ЕГРЮЛ или иной документ, подтверждающий возникновение права на долю (п. 5 ст. 31¹ Закона об обществах с ограниченной ответственностью)) и отказалось предоставить информацию в ситуации, когда сведения о таком лице отражены в списке участников общества (ст. 31¹ Закона об обществах с ограниченной ответственностью), суды признают такие действия общества незаконными и понуждают общество предоставить информацию.

Вместе с тем суды отмечают, что в случае отсутствия в списке участников общества (ст. 31¹

¹Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19 января 2023 г. № Ф03-6068/2022 по делу № А51-14008/2021, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26 апреля 2018 г. № Ф06-31410/2018 по делу № А65-19420/2017.

Закона об обществах с ограниченной ответственностью) лица, обратившегося за получением информации, общество вправе запросить у него документы, подтверждающие статус участника (выписку из ЕГРЮЛ или иной документ, подтверждающий возникновение права на долю)¹.

Как показало изучение судебной практики, при возникновении споров по поводу несоответствия между сведениями, указанными в списке участников общества, и сведениями, содержащимися в ЕГРЮЛ, право на долю или часть доли в уставном капитале общества и, соответственно, наличие корпоративных прав устанавливаются судами на основании сведений, содержащихся в ЕГРЮЛ².

При наличии спора о праве (корпоративный конфликт) участник общества с ограниченной ответственностью наряду с иными документами (договор, выписка из ЕГРЮЛ и т.п.) может представить суду в подтверждение своего статуса вступившее в силу судебное решение, в котором сделан вывод о наличии у соответствующего лица статуса участника общества³.

3. Аналогичные вопросы рассматриваются судами при определении статуса истца, запрашивающего информацию о деятельности акционерного общества.

В силу положений абз. 1 ст. 28 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее — Закон о рынке ценных бумаг) права владельцев на эмиссионные ценные бумаги удостоверяются записями на лицевых счетах в реестре, ведение которого осуществляется регистратором, или в случае учета прав на эмиссионные ценные бумаги в депозитарии записями по счетам депо в депозитариях.

В связи с этим, рассматривая требование о предоставлении информации, предъявленное к акционерному обществу, арбитражные суды указывают на то, что истец в подтверждение своего статуса акционера должен представлять обществу выписку из реестра акционеров либо выписку со счета депо. При непредставлении этих документов, в том числе по требованию общества, отказ акционерного общества в предоставлении документов и (или) их копий расценивается судами как правомерный⁴.

Вместе с тем судам следует обращать внимание на то, что в соответствии с ч. 5 ст. 8⁶ Закона о рынке ценных бумаг информация о лице, которому открыт лицевой счет (счет депо), а также

информация о количестве ценных бумаг данного эмитента на указанном лицевом счете (счете депо) может быть также предоставлена эмитенту, если это необходимо для исполнения требований законодательства Российской Федерации. При этом действующим законодательством не определен момент, на который выписка из реестра владельцев именных ценных бумаг (выписка по счету депо), прикладываемая к запросу о предоставлении акционерным обществом документов, должна подтверждать владение акциями.

Как показало изучение судебной практики, если истец представляет неактуальную выписку из реестра владельцев именных ценных бумаг (выписку по счету депо), то при наличии сомнений в том, является ли истец акционером на день рассмотрения спора, процессуальная обязанность по опровержению указанного статуса арбитражными судами, как правило, возлагается на акционерное общество, поскольку последнее в силу ч. 5 ст. 8⁶ Закона о рынке ценных бумаг имеет возможность самостоятельно проверить актуальность предоставленной истцом информации⁵.

Бывшие участники (акционеры)

4. Проведенное обобщение показало, что требования о предоставлении информации хозяйственным обществом предъявляются со стороны лиц, ранее обладавших статусом участников (акционеров), но утративших названный статус в связи с выходом (исключением) из общества с ограниченной ответственностью, выкупом принадлежавших истцу акций по основаниям, предусмотренным законодательством.

Выход участника из общества с ограниченной ответственностью влечет наступление правовых последствий, предусмотренных п. 6¹ ст. 23 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, а именно: переход доли к обществу и возникновение у общества обязанности по выплате вышедшему из общества участнику действительной стоимости его доли в уставном капитале. Обязанность по выплате действительной стоимости доли согласно п. 5 ст. 23 Закона об обществах с ограниченной ответственностью возникает у общества также в случае исключения участника.

В связи с указанными положениями Закона об обществах с ограниченной ответственностью при рассмотрении споров о предоставлении информации лицу, утратившему статус участника общества, арбитражные суды обращают внимание на изменение в статусе истца, произошедшее в период рассмотрения дела, поскольку от этого непосредственным образом зависит объем прав истца на получение информации о деятельности хозяйственного общества.

¹Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14 февраля 2017 г. № Ф06-16775/2016 по делу № А49-4346/2016.

²Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18 сентября 2020 г. № Ф03-3441/2020 по делу № А73-24769/2019.

³Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10 сентября 2020 г. № Ф01-12615/2020 по делу № А11-11306/2018.

⁴Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15 января 2021 г. № Ф03-5812/2020 по делу № А51-14422/2019, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 января 2021 г. № Ф07-13907/2020 по делу № А56-30854/2020.

⁵Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21 марта 2016 г. № Ф06-6761/2016 по делу № А57-22849/2015, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 октября 2020 г. № Ф07-10685/2020 по делу № А56-10328/2020.

Например, участник общества с ограниченной ответственностью, являвшийся владельцем 40% долей в уставном капитале общества, обратился в арбитражный суд с иском, в котором просил обязать общество предоставить документы, касающиеся деятельности общества, включая протоколы общих собраний участников общества, расшифровки по статьям баланса бухгалтерского учета, выписки по лицевому счету общества, а также заключенные обществом договоры, ссылаясь на уклонение ответчика от предоставления указанной информации истцу в добровольном порядке.

Решением арбитражного суда, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, иск удовлетворен. На общество возложена обязанность передать истцу документы согласно перечню, приведенному в резолютивной части решения, а также в пользу истца взыскана судебная неустойка.

Признавая обоснованными требования истца о предоставлении запрашиваемых документов, суды исходили из того, что ответчиком нарушено право участника на получение информации об обществе, и приняли во внимание, что период составления документов ограничен истцом 31 декабря 2019 г., в то время как истец вышел из общества 29 октября 2020 г.

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23 июня 2022 г. № 305-ЭС22-1796 состоявшиеся по делу судебные акты отменены в связи с допущенными арбитражными судами существенными нарушениями норм материального права, которые, как указала Коллегия, выразились в следующем.

В соответствии с п. 1 ст. 8 Закона об обществах с ограниченной ответственностью участнику общества с ограниченной ответственностью принадлежит ряд корпоративных прав, в том числе право на получении информации о деятельности общества.

В связи с этим не могут быть удовлетворены требования лица об обязании хозяйственного общества предоставить информацию, если на момент рассмотрения дела такое лицо не является участником хозяйственного общества.

Однако лицо, которому общество с ограниченной ответственностью обязано выплатить действительную стоимость приобретенной обществом доли в своем уставном капитале (ст. 23 Закона об обществах с ограниченной ответственностью), вправе требовать предоставления информации о деятельности общества, связанной с определением действительной стоимости доли, подлежащей выплате обществом.

По смыслу положений п. 6¹ ст. 23 Закона об обществах с ограниченной ответственностью для определения действительной стоимости доли уставного капитала необходима бухгалтерская отчетность за последний отчетный период, предшествующий дате перехода к обществу доли.

Как усматривается из материалов дела, истец на дату обращения с заявлением в арбитражный суд являлся участником общества. Вместе с тем, подав 29 октября 2020 г. заявление, которое получено обществом 6 ноября 2020 г., истец вышел из

состава участников общества. В ЕГРЮЛ 9 ноября 2020 г. внесена запись о переходе к обществу прав на долю в размере 40% уставного капитала.

Таким образом, как указала Судебная коллегия, у судов отсутствовали основания для удовлетворения требования в полном объеме без учета изменения статуса истца в период рассмотрения дела, а также без учета соотношения истребуемых истцом документов и состава документов, необходимых ему для определения действительной стоимости доли.

Как показало изучение судебной практики, арбитражные суды, как правило, удовлетворяют требования лиц, утративших статус участника общества с ограниченной ответственностью, о предоставлении документов, необходимых для определения (проверки правильности расчета) действительной стоимости принадлежавшей истцу доли в уставном капитале¹.

В то же время арбитражные суды отказывают в удовлетворении исков о предоставлении информации о деятельности общества с ограниченной ответственностью лицам, утратившим статус участника в период рассмотрения спора, если запрашиваемые документы не связаны с определением и проверкой действительной стоимости доли этих лиц². К выводу об отказе в удовлетворении иска о предоставлении информации арбитражные суды также приходят, если размер действительной стоимости доли в уставном капитале общества установлен в рамках иного дела³.

Аналогичные вопросы встают перед судами и при разрешении споров о предоставлении лицам, утратившим статус акционера, информации о деятельности общества, связанной с определением цены выкупленных акций.

В силу положений чч. 1 и 2 ст. 84⁸ Закона об акционерных обществах лицо, которое в результате добровольного предложения о приобретении всех ценных бумаг публичного общества или обязательного предложения стало владельцем более 95% общего количества акций публичного общества с учетом акций, принадлежащих этому лицу и его аффилированным лицам, вправе направить владельцам выкупаемых ценных бумаг через публичное общество требование о выкупе ценных бумаг.

В соответствии с ч. 3 ст. 84⁸ Закона об акционерных обществах полученное требование о выкупе ценных бумаг направляется публичным обществом владельцам выкупаемых ценных бумаг в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 84³ Закона об акционерных обществах, в силу которого общество обязано предоставить владельцам приоб-

¹Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 марта 2023 г. № Ф05-3942/2023 по делу № А40-132442/2022, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 августа 2021 г. № Ф09-5608/21 по делу № А50-17300/2020.

²Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19 января 2023 г. № Ф03-6068/2022 по делу № А51-14008/2021.

³Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 августа 2022 г. № Ф05-21096/2021 по делу № А41-17636/2020.

ретаемых ценных бумаг доступ к отчету оценщика о рыночной стоимости приобретаемых ценных бумаг.

Выкуп ценных бумаг осуществляется по цене не ниже рыночной стоимости выкупаемых ценных бумаг, которая должна быть определена оценщиком. При этом владелец ценных бумаг, не согласившийся с ценой выкупаемых ценных бумаг, вправе обратиться в арбитражный суд с иском о возмещении убытков, причиненных в связи с ненадлежащим определением цены выкупаемых ценных бумаг. Указанный иск может быть предъявлен в течение шести месяцев со дня, когда такой владелец ценных бумаг узнал о списании с его лицевого счета (счета депо) выкупаемых ценных бумаг (ч. 4 ст. 84⁸ Закона об акционерных обществах).

Проведенное обобщение показало, что при рассмотрении споров, связанных с предоставлением информации бывшим акционерам, арбитражные суды исходят из необходимости защиты права таких лиц на информацию. Лицо, у которого выкуплены акции публичного акционерного общества, вправе требовать предоставления информации о деятельности общества, связанной с определением цены выкупленных акций¹.

В связи с этим арбитражные суды признают за лицами, у которых выкуплены акции публичного акционерного общества в порядке, установленном положениями ст.ст. 84³ и 84⁸ Закона об акционерных обществах, право на получение доступа к отчету оценщика о рыночной стоимости приобретаемых ценных бумаг, удовлетворяя соответствующие требования².

Наследники участников (акционеров)

5. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что при разрешении, с учетом установленных правил подсудности, рассматриваемой категории споров суды определяют наличие (отсутствие) статуса участника (акционера) хозяйственного общества также у лиц, к которым доли (акции) перешли в порядке наследования.

При рассмотрении исков о предоставлении информации, предъявленных наследниками участника общества с ограниченной ответственностью, суды руководствуются положениями ст. 1176 ГК РФ и п. 8 ст. 21 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, обращая внимание на то, что для оценки обоснованности требования указанных лиц необходимо исходить из положений устава данного общества, который устанавливает порядок вступления наследников в состав его участников.

Для деятельности общества с ограниченной ответственностью личность участников имеет юри-

дическое значение. Отношения между участниками общества носят в значительной степени лично-доверительный характер, и сохранение персонального состава участников, как правило, рассматривается ими как одно из основных условий успешного ведения общего дела, является средством достижения коммерческих интересов самого общества.

В связи с этим передача прав и обязанностей, вытекающих из корпоративного участия в делах общества с ограниченной ответственностью, которыми обладает участник, происходит с учетом особенностей, предусмотренных корпоративным законодательством, которое, в свою очередь, исходит из принципа уважения автономии воли участников, отраженной в уставе общества (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-24465 и № 305-ЭС22-26611).

Из анализа судебной практики видно, что в случаях, когда устав общества не содержит положений о необходимости получения согласия иных участников общества на вступление наследника в общество, требование наследника о предоставлении информации, связанной с деятельностью общества, рассматривается арбитражным судом по существу, поскольку в таком случае принявшее наследство лицо становится участником общества и обладает соответствующими корпоративными правами³.

При этом суды обращают внимание на то, что лицо, принявшее наследство, вправе реализовать права участника общества с ограниченной ответственностью со дня направления им обществом уведомления о намерении стать его участником, к которому приложены документы о вступлении в наследство. После получения подобного извещения общество не вправе отказать наследнику в предоставлении запрашиваемых сведений⁴.

В случае, когда устав общества содержит запрет на вхождение наследников в состав участников общества либо необходимость получения согласия других участников, которое не получено наследником, в соответствии с п. 5 ст. 23 Закона об обществах с ограниченной ответственностью доля участия в уставном капитале переходит к обществу, а наследник вправе претендовать на выплату действительной стоимости доли и, соответственно, вправе требовать предоставления информации о деятельности общества только в пределах объема информации, имеющей отношение к определению действительной стоимости доли⁵.

³Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 12 января 2016 г. № 07АП-11499/2015 по делу № А27-11813/2015, постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 19 июля 2018 г. № 06АП-2543/2018 по делу № А73-1666/2018.

⁴Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 12 августа 2015 г. № 10АП-5672/2015 по делу № А41-75964/14.

⁵Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22 июня 2020 г. № Ф01-11007/2020 по делу № А17-1025/2018.

¹Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 7 февраля 2020 г. № Ф06-56934/2019 по делу № А55-18005/2019.

²Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11 апреля 2017 г. № Ф05-3436/2017 по делу № А40-134305/2016, постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 2 июня 2021 г. № Ф01-1741/2021 по делу № А82-13740/2018.

Сходные вопросы возникают у судов по спорам о предоставлении информации акционерным обществом, стороной в которых выступают наследники акционера. При рассмотрении корпоративных споров данной категории арбитражные суды отмечают, что со дня смерти наследодателя, которому принадлежали акции публичного акционерного общества, наследник является владельцем акций в порядке наследования в силу прямого указания закона, а также участником акционерного общества (п. 3 ст. 1176 ГК РФ) и такое лицо после принятия наследства и получения свидетельства о праве на наследство вправе запрашивать информацию о деятельности акционерного общества¹.

*Иные лица, предъявляющие требования
о предоставлении информации
хозяйственными обществами*

6. Проведенное обобщение показало, что истцами по требованию о предоставлении информации, касающейся деятельности хозяйственного общества, в ряде случаев, помимо его участников, выступают также члены коллегиального органа управления обществом.

В соответствии с п. 4 ст. 65³ ГК РФ члены коллегиального органа управления корпорации имеют право получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией.

Однако Законом об акционерных обществах порядок предоставления информации о деятельности общества члену коллегиального органа управления прямо не урегулирован.

Из анализа судебной практики видно, что в рассматриваемых случаях арбитражные суды по аналогии закона применяют положения ст. 91 Закона об акционерных обществах, предусматривающей обязанность предоставления обществом акционерам документации о его хозяйственной деятельности².

При этом в случаях обращения в суд членов совета директоров с требованием о предоставлении информации (документов) акционерного общества за период, предшествующий их избранию в коллегиальный орган акционерного общества, суды отказывают в предоставлении такой информации (документов), если указанные лица не обосновали, что запрашиваемые документы и информация необходимы им для принятия взвешенного решения по вопросам повестки дня заседания совета директоров или для исполнения

ими своих обязанностей членов совета директоров³.

Представляется, что аналогичным образом могут разрешаться споры по искам членов коллегиальных органов управления обществ с ограниченной ответственностью (правление, дирекция и другие), если уставом общества предусмотрено образование таких органов наряду с единоличным исполнительным органом общества, поскольку корпоративный статус членов коллегиальных органов хозяйственных обществ не имеет существенных различий (п. 4 ст. 65³ ГК РФ, п. 1 ст. 41 Закона об обществах с ограниченной ответственностью).

7. В практике судов выявлены случаи разрешения споров, касающихся предоставления информации о деятельности хозяйственного общества его контролирующим лицам, формально не обладающим статусом участников общества (являющимся участником иного юридического лица, входящего в ту же корпоративную структуру, бенефициарным владельцем юридического лица и т.п.).

При рассмотрении исков о предоставлении информации, предъявленных контролирующими лицами, суды исходят из того, что в силу п. 1 ст. 65² ГК РФ право на получение информации о корпорации принадлежит только ее участникам. Соответственно, иные лица, в том числе бенефициарные владельцы юридического лица, по общему правилу, не вправе требовать предоставления информации о деятельности хозяйственного общества, участниками которого они не являются⁴.

В то же время лица, имеющие фактическую возможность определять действия юридического лица, несут ответственность за убытки, причиненные по их вине юридическому лицу и кредиторам юридического лица (п. 3 ст. 53¹ и п. 1 ст. 1064 ГК РФ).

К таким лицам применительно к положениям ст. 4 Закона РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-I (ред. от 26 июля 2006 г.) «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и ст. 3 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» могут быть отнесены аффилированные с юридическим лицом его бенефициарные владельцы — физические лица, которые в конечном

¹Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16 июня 2020 г. № Ф08-3244/2020 по делу № А53-35233/2019.

²Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17 октября 2019 г. № Ф01-4758/2019 по делу № А43-44322/2018, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21 марта 2019 г. № Ф04-699/2019 по делу № А45-37514/2017, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 5 августа 2021 г. № Ф06-6210/2021 по делу № А55-23829/2020, постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12 марта 2021 г. № Ф10-12/2021 по делу № А48-1155/2020.

³Постановление Арбитражного суда Московского округа от 8 мая 2018 г. № Ф05-5534/2018 по делу № А40-157551/2017.

⁴Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28 июня 2018 г. № Ф03-2309/2018 по делу № А37-1168/2017, постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23 мая 2019 г. № Ф02-877/2019 по делу № А74-3819/2018, постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 октября 2022 г. № 18АП-9983/2022 по делу № А76-44999/2021, постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20 февраля 2020 г. № Ф08-764/2020 по делу № А53-9810/2019 и от 17 декабря 2021 г. № Ф08-12283/2021 по делу № А53-35233/2019.

счете прямо или косвенно (через третьих лиц) владеют юридическим лицом.

Изучение судебной практики показало, что в порядке исключения из общего правила суды признают за бенефициарными владельцами юридического лица, осуществляющими опосредованное владение долями в его уставном капитале, право на предъявление косвенных исков, направленных на защиту прав юридического лица, если это необходимо для обеспечения эффективности судебной защиты. В названных случаях судами, в частности, принимается во внимание наличие корпоративного конфликта, препятствующего обращению в суд непосредственному участнику хозяйственного общества, учитывается фактически сложившаяся корпоративная структура управления хозяйственным обществом и иные подобные обстоятельства (например, родственные связи двух директоров общества)¹.

В связи с этим не исключается возможность в отдельных ситуациях возложения судом на хозяйственное общество обязанности по предоставлению информации о его деятельности фактическому бенефициару общества, например, при утрате истцом корпоративного контроля за деятельностью общества по причине противоправных действий третьих лиц, в иных аналогичных случаях, требующих обеспечения эффективной судебной защиты.

8. Как показало изучение судебной практики, требования о предоставлении информации (документов) к хозяйственным обществам могут предъявляться не только его участниками, но и иными лицами (например, арбитражными управляющими, налоговыми, антимонопольными органами и рядом других лиц).

Необходимо заметить, что споры о предоставлении информации указанным субъектам не являются корпоративными, поскольку в упомянутых случаях такой порядок регулируется не нормами корпоративного права, а соответствующими положениями иных нормативных правовых актов (например, п. 1 ст. 20³ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)”, ст. 93 Налогового кодекса РФ, ст. 25⁴ Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции” и др.).

Вопросы предоставления информации

Объем предоставляемой информации

9. В 2017 году в целях совершенствования механизмов реализации и защиты прав участников хозяйственных обществ на информацию, обеспечения доступа к ней и единообразия правоприменения в Закон об обществах с ограниченной ответственностью и Закон об акционерных обществах внесены концептуальные изменения, в

том числе введены правила о необходимости обоснования акционерами разумной деловой цели для получения информации, об обязанности участников (акционеров) заключать договор о неразглашении информации, уточнены положения, регламентирующие предоставление акционерам документов, содержащих конфиденциальную информацию².

В 2022 году введены временные ограничения по предоставлению информации: с 21 марта 2022 г. и до 31 декабря 2023 г. для акционеров установлен повышенный порог владения акциями (5% вместо 1%), необходимый для реализации права на доступ к информации и документам, в том числе информации о сделке с заинтересованностью, совершенной без согласия; протоколов заседаний совета директоров; документов непубличного акционерного общества; при получении списка акционеров, которые имеют право на участие в общем собрании³.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что при рассмотрении споров, связанных с определением объема требуемой информации, арбитражные суды обоснованно принимают во внимание имеющиеся в указанной части различия в регулировании прав участников обществ с ограниченной ответственностью и прав акционеров и исходят из следующего.

10. Из абз. 3 п. 1 ст. 8 Закона об обществах с ограниченной ответственностью вытекает, что участник общества имеет право требовать любые имеющиеся у общества документы, которые связаны с деятельностью этого общества.

Исходя из п. 2 ст. 50 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, общество обязано обеспечить доступ участнику по его требованию в том числе к внутренним документам общества, протоколам общих собраний участников общества, договорам (односторонним сделкам), являющимся крупными сделками и (или) сделками, в совершении которых имеется заинтересованность.

Поэтому, руководствуясь приведенными нормативными предписаниями, арбитражные суды приходят к выводу о том, что в действующем законодательстве не содержится норм, которыми бы устанавливались какие-либо ограничения в перечне документации, касающейся внутренней деятельности общества, с которой участник общества вправе знакомиться и получать заверенные копии.

²Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “Об акционерных обществах” и статью 50 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”.

³Федеральный закон от 14 марта 2022 г. № 55-ФЗ “О внесении изменений в статьи 6 и 7 Федерального закона “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа” и статью 21 Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (ред. от 19 декабря 2022 г.).

¹Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 июня 2022 г. по делу № А40-166870/2020, постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 марта 2018 г. по делу № А40-229166/15, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 6 марта 2023 г. по делу № А40-99028/2022.

При этом арбитражные суды опираются на то, что Закон об обществах с ограниченной ответственностью предусматривает возможность установления в уставе порядка получения информации об обществе, но не допускает возможность ограничения прав участников на информацию¹.

11. Вопросы предоставления информации акционерам урегулированы ст. 91 Закона об акционерных обществах.

Проведенный анализ судебной практики позволил сделать следующие выводы, которые следует учитывать арбитражным судам при разрешении соответствующих споров.

Перечень документов, к которым общество обязано обеспечить доступ всех акционеров, определен п. 1 ст. 91 Закона об акционерных обществах. К таким документам, в частности, относятся утвержденные общим собранием акционеров внутренние документы общества, регулирующие деятельность его органов; годовые отчеты, годовая бухгалтерская (финансовая) отчетность и аудиторское заключение о ней; протоколы общих собраний акционеров и списки аффилированных лиц общества.

Акционеры публичного акционерного общества, владеющие не менее чем 1% голосующих акций, имеют право также на получение доступа к информации и документам, указанным в п. 2 ст. 91 Закона об акционерных обществах, в том числе к информации, касающейся крупных сделок и (или) сделок с заинтересованностью.

Акционеры непубличного акционерного общества, владеющие не менее 1% голосующих акций, по общему правилу, имеют право на получение доступа к информации и документам, указанным в п. 2 ст. 91 Закона об акционерных обществах, а также к документам, которые общество обязано хранить согласно п. 1 ст. 89 Закона об акционерных обществах, в том числе к документам, хранение которых предусмотрено уставом общества, внутренними документами общества, решениями общего собрания акционеров, совета директоров (наблюдательного совета) общества, органов управления общества (п. 3 ст. 91 Закона об акционерных обществах).

В п. 5 ст. 91 Закона об акционерных обществах установлен перечень документов, доступ к которым может быть обеспечен только по требованию акционеров, владеющих, по общему правилу, не менее чем 25% голосующих акций общества. К таким документам, в частности, относятся документы бухгалтерского учета.

В случае, когда информация и документы необходимы акционеру для подготовки к проведению общего собрания акционеров, доступ к ним осуществляется по специальным правилам, содержащимся в ст.ст. 51 и 52 Закона об акционерных обществах.

Следовательно, при определении объема права акционера на информацию о деятельности акционерного общества действующее законодательство исходит, прежде всего, из критерия порогового участия — числа голосующих акций, принадлежащих акционеру. Перечень информации, предоставляемой акционерам, обладающим соответствующим числом голосующих акций, по общему правилу, носит закрытый характер, а сама информация предоставляется в строго документальной форме (ознакомление с документом, предоставление его копии, предоставление информации о содержании документа в определенных законом случаях).

Объем прав акционеров на получение информации по запросу расширяется по мере увеличения числа принадлежащих им голосующих акций. Такое регулирование призвано исключить риски злоупотребления правом при получении значимой для акционерного общества коммерческой информации миноритарными акционерами и тем самым обеспечить защиту законных интересов всех акционеров, оградить акционерное общество от рисков причинения вреда его деятельности.

При этом уставом акционерного общества может быть предусмотрено более низкое или более высокое пороговое значение числа голосующих акций, при наличии которых акционер вправе требовать доступ к документам бухгалтерского учета и иным документам, указанным в п. 5 ст. 91 Закона об акционерных обществах. Непубличное акционерное общество в своем уставе может установить иные условия и (или) порядок предоставления доступа к информации, в том числе сроки и минимальное количество акций, необходимое для получения всех или определенной категории документов (пп. 6 и 13 ст. 91 Закона об акционерных обществах).

Проведенное обобщение показало, что арбитражными судами в основном правильно разрешаются споры о предоставлении акционерам отдельных видов документов, поскольку суды учитывают установленные ст. 91 Закона об акционерных обществах критерии дифференциации объема предоставляемой акционерам информации.

Однако, поскольку в п. 5 ст. 91 Закона об акционерных обществах не раскрыто содержание понятия “документы бухгалтерского учета”, применяемого для целей данной статьи, у арбитражных судов возникают определенные сложности при рассмотрении дел о получении акционерами таких видов документов, как гражданско-правовые договоры, банковские выписки и т.п.

Поэтому в целях устранения правовой неопределенности при рассмотрении ряда дел, связанных с оценкой правомочности отказа акционерного общества в предоставлении акционеру гражданско-правовых договоров, Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ по результатам толкования положений Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ “О бухгалтерском учете” (далее — Закон о бухгалтерском учете) и Закона об акционерных обществахработан подход к определению документов бух-

¹Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 августа 2023 г. № Ф05-19724/2023 по делу № А40-209504/2022, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28 ноября 2022 г. № Ф03-5583/2022 по делу № А80-493/2021, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12 апреля 2023 г. № Ф04-1020/2023 по делу № А27-9693/2022.

галтерского учета, который заключается в следующем.

В соответствии со ст. 3 Закона о бухгалтерском учете сделки, которые оказывают или способны оказать влияние на финансовое положение экономического субъекта, финансовый результат его деятельности и (или) движение денежных средств, относятся к фактам хозяйственной жизни, и в силу ст. 9 Закона о бухгалтерском учете каждый факт хозяйственной жизни подлежит оформлению первичным учетным документом.

То есть понятие “документ бухгалтерского учета” в Законе об акционерных обществах применяется в более широком смысле по сравнению с понятием “первичный учетный документ”, используемым в Законе о бухгалтерском учете. Бухгалтерские документы согласно Закону об акционерных обществах — это любые документы, имеющие существенное значение для правильного ведения бухгалтерского учета, в том числе к ним относятся и гражданско-правовые договоры, которые в неразрывной связи с первичными учетными документами формируют бухгалтерский учет.

На основании изложенного Судебной коллегией сделан вывод о том, что гражданско-правовые договоры относятся к документам бухгалтерского учета, к которым акционер, не обладающий 25% голосующих акций, не имеет права доступа (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 апреля 2017 г. № 306-АД16-17822, от 1 июня 2017 г. № 305-КГ17-1288, от 21 июля 2017 г. № 305-АД17-5106, от 10 июля 2018 г. № 307-АД18-976)¹.

Таким образом, акционер, не обладающий 25% и более голосующих акций, по общему правилу, не наделяется правом на ознакомление с содержанием гражданско-правовых договоров общества и на получение копий договоров, за исключением случаев, когда иное предусмотрено уставом общества в соответствии с пп. 6 и 13 ст. 91 Закона об акционерных обществах².

По аналогичным основаниям суды отказывают в удовлетворении требований акционеров, владеющих менее 25% голосующих акций, о предоставлении выписок (копий) из банков, отражающих движение денежных средств по расчетным счетам общества³. Такой подход судов представляется правомерным, поскольку банковские выписки, содержащие сведения о движении

денежных средств по счетам акционерного общества, являются основанием для отражения в бухгалтерском учете общества соответствующих денежных операций, т.е. относятся к документам бухгалтерского учета акционерного общества.

В случае, когда электронная версия запрашиваемого документа на момент предъявления акционером требования размещена на сайте общества в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” в свободном доступе либо раскрыта в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о ценных бумагах для раскрытия информации, суды признают обоснованным отказ общества в предоставлении такой информации (подп. 1 п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах)⁴.

12. Анализ судебной практики показал, что суды в основном правильно применяют законодательство, регламентирующее предоставление обществами с ограниченной ответственностью и акционерными обществами документов, содержащих конфиденциальную информацию. При этом суды учитывают следующее.

Праву на информацию корреспондирует обязанность участников (акционеров) хозяйственного общества не разглашать конфиденциальную информацию о его деятельности (абз. 3 п. 4 ст. 65² ГК РФ).

По смыслу п. 12 ст. 91 Закона об акционерных обществах и п. 5 ст. 50 Закона об обществах с ограниченной ответственностью предоставление документов, содержащих конфиденциальную информацию, обусловлено подписанием между хозяйственным обществом и обратившимся с требованием о предоставлении доступа к документам участником (акционером) соглашения о нераспространении этой информации⁵.

Одновременно в хозяйственном обществе должны быть согласованы порядок и форма предоставления документации, которая содержит конфиденциальную информацию (п. 5 ст. 50 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, п. 12 ст. 91 Закона об акционерных обществах).

Например, если запрашиваемые документы содержат иную охраняемую законом тайну (государственную, банковскую и т.п.), общество предоставляет участнику выписки из таких документов, исключив из них соответствующую информацию. Одновременно оно обязано сообщить участнику об основаниях отнесения информации, содержащейся в этих документах, к охраняемой законом тайне.

¹Пункт 30 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г.

²Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 23 января 2023 г. № Ф03-6521/2022 по делу № А51-10802/2021, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10 октября 2018 г. по делу № А56-92269/2017.

³Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 февраля 2023 г. № Ф07-22754/2022 по делу № А05-852/2022, постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23 августа 2023 г. № Ф10-3412/2023 по делу № А54-6516/2022, постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 октября 2022 г. по делу № А05-852/2022.

⁴Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 23 января 2023 г. № Ф03-6521/2022 по делу № А51-10802/2021, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 1 апреля 2022 г. № Ф06-16425/2022 по делу № А12-16443/2021.

⁵Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27 октября 2022 г. № Ф04-5079/2022 по делу № А67-10227/2021.

Как показало проведенное обобщение, при рассмотрении требования участника о предоставлении обществом документов суды исходят из того, что, если документы хозяйственного общества, которые просит предоставить участник, содержат конфиденциальную или иную охраняемую законом информацию, указанное обстоятельство само по себе не может служить основанием для отказа в ее предоставлении¹.

При этом арбитражные суды дают оценку условиям соглашений (расписок) о конфиденциальности, предлагаемых хозяйственными обществами к заключению своим участникам (акционерам) в качестве условия реализации прав последних на информацию, имея в виду, что условия таких соглашений должны отвечать положениям гражданского законодательства, определяющим пределы свободы договора (пп. 3, 4 ст. 1, ст. 10, пп. 1 и 4 ст. 421 и п. 1 ст. 422 ГК РФ).

Так, при наличии расписки участника (акционера) о неразглашении информации арбитражный суд пришел к выводу об отсутствии у участника (акционера) обязанности по заключению соглашения о конфиденциальности по утвержденной обществом стандартной форме, предусматривающего обязанность участника предоставить независимую гарантию банка в обеспечение исполнения обязательства по оплате штрафа за разглашение, незаконное использование конфиденциальной информации в сумме 5 млн. руб., посчитав данное условие соглашения обременительным².

В другом деле арбитражный суд признал, что общество необоснованно установило неустойку за разглашение конфиденциальной информации в соглашении в размере 10 млн. руб. сверх возмещения убытков, поскольку такое условие соглашения ущемляет права акционера, а общество не привело убедительных аргументов в обоснование разумности величины штрафа³.

Из проведенного обобщения видно, что в ряде случаев наличие в запрашиваемом документе конфиденциальной информации может повлечь отказ в ее предоставлении по основаниям, не связанным с конфиденциальностью документа. Так, арбитражный суд отказал участнику в удовлетворении требования о предоставлении документов с информацией о персональных данных работников общества с ограниченной ответ-

ственностью, поскольку участник не доказал, что это необходимо для защиты его прав и законных интересов⁴.

Форма предоставляемой информации

13. Анализ судебной практики и материалы по ее обобщению показывают, что арбитражные суды в большинстве случаев верно разрешают споры, связанные с формой предоставляемых документов.

Исходя из смысла положений п. 3 ст. 50 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, п. 11 ст. 91 Закона об акционерных обществах информация о деятельности хозяйственного общества может быть предоставлена участнику (акционеру) общества путем его ознакомления с соответствующими документами в помещении исполнительного органа общества либо путем предоставления копий документов, а в необходимых случаях — в виде сведений о содержании документа в исчерпывающем объеме.

По смыслу закона выбор конкретной формы (способа) предоставления информации (документов) определяет участник (акционер), за исключением случаев, когда та или иная форма предоставления сведений предписана законом. Например, в соответствии с подп. 1 п. 2 ст. 91 Закона об акционерных обществах в обязанность акционерного общества вменено предоставление информации, касающейся крупных сделок и (или) сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, в том числе вид, предмет, содержание и размер таких сделок, дата их совершения и срок исполнения обязательств по ним, сведения о принятии решения о получении согласия на совершение или о последующем одобрении таких сделок.

Поскольку иное не установлено законом, допускается использование нескольких форм предоставления информации и документов одновременно. Так, участник (акционер) вправе ознакомиться с оригиналами документов хозяйственного общества, после чего сделать копии самостоятельно либо запросить их копии.

При этом, как показало изучение судебной практики, предоставление участнику (акционеру) копий документов без удостоверения верности копии оригиналу со стороны общества расценивается арбитражными судами как неисполнение обществом установленной законом обязанности по предоставлению информации, если в запросе участника (акционера) содержалась просьба о предоставлении документа именно в виде заверенной копии⁵.

⁴Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 1 февраля 2021 г. № Ф07-15905/2020 по делу № А56-22042/2020.

⁵Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17 февраля 2021 г. № Ф01-255/2021 по делу № А17-1524/2020, постановление Арбитражного суда Центрального округа от 31 мая 2021 г. № Ф10-862/2021 по делу № А68-8341/2019.

¹Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 9 марта 2023 г. № Ф04-8309/2022 по делу № А03-7097/2022.

²Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 13 марта 2019 г. № 08АП-630/2019, 08АП-314/2019 по делу № А75-2057/2018, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 июня 2019 г. № Ф04-5257/2018 по тому же делу.

³Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 5 февраля 2018 г. по делу № А43-48497/2017, постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 20 апреля 2018 г. № 01АП-2403/2018 по тому же делу, постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 3 июля 2018 г. № Ф01-2638/2018 по тому же делу.

Изучение дел показало, что у судов возникают вопросы при рассмотрении дел, связанных с предоставлением информации, содержащейся в электронном виде.

По общему правилу, ведение электронного документооборота и (или) бухгалтерского учета с использованием специализированных компьютерных программ не освобождает корпорацию от обязанности обеспечить доступ участников к информации (абз. 3 п. 1 ст. 65² ГК РФ).

При этом судам следует учитывать, что закон закрепляет за участником (акционером) право на информацию, а не доступ к рабочим компьютерам, на которых содержится эта информация.

Поэтому отказ арбитражных судов в удовлетворении требования о получении информации, необходимой для обеспечения онлайн-доступа участника к специализированным программам, в которых общество осуществляет ведение бухгалтерского учета, следует признать правильным, поскольку законом предусмотрена обязанность обеспечить доступ к информации, содержащейся на компьютерных файлах путем изготовления копий или переноса на бумажный носитель данной информации, но не путем организации онлайн-доступа, предполагающего создание дополнительной учетной записи¹.

*Добросовестность участника (акционера)
при предъявлении требования
о предоставлении информации*

14. При разрешении рассматриваемой категории споров отдельного внимания заслуживает вопрос соотношения права участника (акционера) хозяйственного общества на информацию с принципом (критерием) добросовестности и запретом злоупотребления правом.

По общему правилу, закрепленному в п. 5 ст. 10 ГК РФ, добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное.

Разумное и добросовестное осуществление корпоративных прав, проявление интереса к деятельности общества позволяют участнику (акционеру) своевременно узнать о финансовом состоянии общества, ознакомиться с документацией общества, что, в свою очередь, обеспечивает возможность защитить нарушенные права и законные интересы в установленные законом сроки.

В то же время, исходя из положений пп. 3, 4 ст. 1 ГК РФ, при предъявлении требования о предоставлении информации участник (акционер) должен действовать добросовестно и не вправе использовать свое право для причинения вреда, нарушения законных интересов хозяйственного общества, его остальных участников (акционеров). Поэтому отказы арбитражных судов в удовлетворении требования участника (акционера), если будет доказано наличие в его действиях зло-

употребления правом (п. 2 ст. 10 ГК РФ), в ходе обобщения признаны правильными.

Как показывает сложившаяся судебная практика, о наличии у участника правомерного (добросовестного) интереса в получении информации могут свидетельствовать такие действия с его стороны, как планирование истцом продажи своих акций или доли в уставном капитале (в том числе в ходе процедур банкротства истца), подготовка к обращению в суд с требованием об оспаривании решения органа или договора хозяйственного общества либо о привлечении к ответственности органов общества, а также подготовка к участию в общем собрании акционеров.

Напротив, в качестве злоупотребления участником правом на информацию суды признают то обстоятельство, что участник, обратившийся с требованием о предоставлении информации, является фактическим конкурентом хозяйственного общества (либо его аффилированным лицом), а запрашиваемая информация носит характер конфиденциальной, относится к конкурентной сфере и ее распространение может причинить вред коммерческим интересам общества, его деловой репутации².

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что при определении наличия злоупотребления участником (акционером) правом на информацию арбитражные суды принимают во внимание, в чем состоит интерес истца на получение информации (цель ее предполагаемого использования).

Так, арбитражные суды отказывают в удовлетворении исков о предоставлении информации, если устанавливают, что запрос истца относительно ее получения не связан с его намерением участвовать в управлении деятельностью хозяйственного общества, защитой прав и законных интересов общества, а в действительности обусловлен намерением причинить вред обществу³, создать препятствия для нормального осуществления обществом своей деятельности⁴, например, если истцом неоднократно запрашиваются одни и те же документы (перечень которых, за исключением даты составления, практически не меняется)⁵.

Как видно из материалов изучения судебной практики, при рассмотрении данной категории споров арбитражные суды правильно обращают внимание на обстоятельства, свидетельствующие о создании самим истцом препятствий, не позволяющих ответчику своевременно и добровольно

²Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 9 июня 2023 г. № Ф10-2624/2023 по делу № А35-3721/2021, постановление Арбитражного суда Московского округа от 11 сентября 2023 г. № Ф05-21652/2023 по делу № А40-152831/2022.

³Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 февраля 2023 г. № Ф05-560/2023 по делу № А40-113533/2022.

⁴Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26 июня 2023 г. № Ф09-3835/23 по делу № А07-5707/2022.

⁵Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 августа 2022 г. № Ф07-9243/2022 по делу № А21-7648/2021.

¹Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27 января 2022 г. № Ф09-9653/21 по делу № А60-54228/2020.

исполнить требования участника (акционера) общества либо существенно затрудняющих исполнение требования.

Например, в качестве злоупотребления правом со стороны истца арбитражными судами обоснованно расцениваются ситуации, когда самим истцом чинились препятствия производственной деятельности общества (ограничение истцом доступа генерального директора общества к месту хранения документации); документация истребовалась за период, в котором участник исполнял обязанности генерального директора общества, но не передал документы новому руководителю после прекращения собственных полномочий¹.

Кроме того, в качестве недобросовестного поведения участников (акционеров) арбитражные суды расценивают постоянное изменение исковых требований (дополнение в список документов)², непредоставление обществу срока для исполнения требования о передаче документов в добровольном порядке³.

При рассмотрении анализируемых дел судам необходимо иметь в виду, что для ряда случаев законодатель прямо установил типы недобросовестного поведения участника (акционера), при наличии которых ему может быть отказано в предоставлении информации. Например, согласно подп. 2 п. 4 ст. 50 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, подп. 3 п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах участнику (акционеру) может быть отказано в предоставлении документов, которые запрашиваются повторно в течение трех лет при условии, что первое требование о предоставлении документа было надлежащим образом исполнено обществом.

Проведенное обобщение показало, что в качестве злоупотребления правом арбитражные суды, как правило, расценивают неоднократные требования участника о предоставлении одних и тех же документов в условиях корпоративного конфликта⁴.

15. Законодательство об акционерных обществах в отдельных случаях прямо обуславливает возможность предоставления информации по требованию акционера наличием у акционера разумной деловой цели при предъявлении соответствующего требования. Поэтому арбитражным судам следует обратить внимание на следующее.

Исходя из п. 4 ст. 91 Закона об акционерных обществах разумная деловая цель, в связи с которой запрашиваются документы, должна быть ука-

зана акционером, владеющим менее чем 25% голосующих акций, если им испрашивается доступ к документам и информации, предусмотренным пп. 2 и 3 данной статьи, в частности к информации о крупных сделках и сделках, в которых имеется заинтересованность, к отчетам оценок.

Согласно п. 7 ст. 91 Закона об акционерных обществах под деловой целью понимается законный интерес акционера в получении сведений и документов, которые объективно необходимы и достаточны для надлежащей реализации прав акционера, предусмотренных Законом об акционерных обществах.

Как указано в данной норме Закона об акционерных обществах, деловая цель не может считаться разумной, в частности, если: 1) общество обладает сведениями о фактических обстоятельствах, свидетельствующих о недобросовестности акционера; 2) имеет место необоснованный интерес в получении акционером документов или информации; 3) акционер является конкурентом общества либо аффилированным лицом конкурента и запрашиваемый им документ содержит конфиденциальную информацию, относящуюся к конкурентной сфере, и ее распространение может причинить вред коммерческим интересам общества.

Отсутствие в требовании акционера (акционеров) о предоставлении документов указания на деловую цель, с которой запрашивается документ, когда указание такой цели необходимо в соответствии с Законом об акционерных обществах либо если указанная цель не является разумной или же состав и содержание запрошенных документов явно не соответствуют указанной в запросе цели, все это, как показал анализ судебной практики, может выступить для общества основанием отказать в доступе к документам и информации своему акционеру (подп. 4 п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах).

Исходя из приведенных положений Закона об акционерных обществах, миноритарные акционеры, владеющие менее 25% голосующих акций, при осуществлении своего права на информацию обязаны раскрывать предполагаемые цели использования запрашиваемых документов и информации, что призвано уменьшить риск злоупотребления правом со стороны акционеров, в том числе риск использования полученной информации во вред обществу. Наличие разумной деловой цели и полнота ее раскрытия при запросе информации акционером выступают юридически значимыми обстоятельствами, которые должны проверяться судами.

Поэтому следует поддержать судебную практику, признавшую правомерным отказ акционерного общества в предоставлении документов в ситуации, когда приведенная акционером в запросе формулировка его цели являлась абстрактной (беспредметной), а просьба со стороны общества конкретизировать цель запроса докумен-

¹Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 9 сентября 2019 г. по делу № А19-32103/2018, постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 июня 2022 г. № 11АП-5142/2022 по делу № А55-25153/2021.

²Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 июля 2020 г. № Ф05-10675/2020 по делу № А40-83380/2019.

³Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 апреля 2016 г. № Ф05-4298/2016 по делу № А41-34922/2015.

⁴Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28 апреля 2021 г. № Ф03-2117/2021 по делу № А73-12878/2019.

тов и раскрыть деловой интерес акционера в их получении не была удовлетворена¹.

Одновременно следует согласиться с подходом судов, устанавливающих наличие у акционеров правомерного интереса к получению информации в ситуации, когда внутри общества имеет место корпоративный конфликт и общее собрание акционеров в течение длительного времени не проводится, т.е. имеет место недопустимое сокрытие информации о деятельности общества со стороны контролирующего общества акционера².

16. Проведенное обобщение показало, что критерий добросовестности учитывается арбитражными судами при рассмотрении споров, связанных с определением периода, за который информация может быть предоставлена участнику (акционеру).

При этом арбитражные суды обоснованно принимают во внимание различия в регулировании прав акционеров и участников обществ с ограниченной ответственностью.

Так, участник общества с ограниченной ответственностью вправе потребовать документы независимо от того, когда они составлены, за исключением документов, перечисленных в подп. 10—13 п. 2 ст. 50 Закона об обществах с ограниченной ответственностью.

В то же время, как показало проведенное изучение судебной практики, предусмотренное подп. 3 п. 4 ст. 50 Закона об обществах с ограниченной ответственностью право общества отказать участнику в предоставлении ряда документов, относящихся к прошлым периодам деятельности общества (более трех лет до момента обращения участника общества с требованием), арбитражные суды не всегда рассматривают как безусловное основание для отказа в удовлетворении соответствующих исковых требований участника общества.

Например, в ситуации наличия корпоративного конфликта в обществе на общество может быть возложена обязанность предоставить участнику запрашиваемую документацию, которая по времени создания соответствует критериям указанной нормы³.

Рассматривая аналогичные требования акционеров, касающиеся реализации права на получение информации о деятельности акционерного общества, предусмотренное подп. 3 п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах ограничение на предоставление документов, относящихся к прошлым периодам деятельности общества (более трех лет до момента обращения с требованием), арбитражные суды применяют с учетом того, что право на информацию обеспечивает ак-

ционеру возможность осуществления иных его прав, в том числе права на судебную защиту.

Поэтому в судебной практике справедливо отмечается, что для отказа в предоставлении информации необходимо, чтобы запрошенный документ не только относился к периодам деятельности общества, со времени которых до момента обращения с требованием прошло от трех лет и более, но и не имел ценности с точки зрения его анализа (экономического, юридического, в том числе по причине истечения сроков исковой давности, и т.п.)⁴.

Иные вопросы

Судебная неустойка

17. На основании п. 1 ст. 308³ ГК РФ суд по требованию кредитора вправе присудить в его пользу денежную сумму на случай неисполнения судебного акта о присуждении к исполнению обязательства в натуре. Размер такой неустойки определяется судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения.

Как указано в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”, упомянутая судебная неустойка присуждается в целях побуждения должника к своевременному исполнению обязательства в натуре.

Судебная практика исходит из допустимости установления судебной неустойки по требованиям участников (акционеров) о предоставлении информации и документов со стороны хозяйственных обществ.

При этом судебная неустойка в отличие от классической неустойки несет в себе публично-правовую составляющую, поскольку она является мерой ответственности на случай неисполнения судебного акта, устанавливаемой судом, в целях дополнительного воздействия на должника. Соразмерность судебной неустойки определяется исходя из степени сопротивления должника в исполнении обязательства и, соответственно, присуждается в целях преодоления имеющегося сопротивления и побуждения к исполнению (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 июня 2018 г. № 305-ЭС15-9591).

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что при определении справедливого размера судебной неустойки по искам участников (акционеров) о предоставлении информации арбитражные суды учитывают широкий круг обстоятельств, а именно: объем запрашиваемой документации, наличие каких-либо препятствий для передачи документов (степень затруднительности исполне-

¹Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 февраля 2020 г. № Ф07-16498/2019 по делу № А56-48872/2019.

²Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15 декабря 2022 г. № Ф06-24967/2022 по делу № А65-25274/2021.

³Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 4 августа 2020 г. № Ф03-2582/2020 по делу № А73-20936/2019.

⁴Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 8 апреля 2022 г. № Ф03-855/2022 по делу № А51-3632/2021.

ния судебного акта)¹, соразмерность неустойки финансовому бремени ответчика², важность истребуемых документов для истца, частичное предоставление документов ответчиком до вынесения решения³, степень сопротивления ответчика по добровольному исполнению обязательства⁴.

При этом в соответствующих судебных актах арбитражные суды указывают на возможность установления судебной неустойки как в твердой денежной сумме, взыскиваемой единовременно, так и в денежной сумме, начисляемой периодически⁵. При назначении судебной неустойки в денежной сумме, начисляемой периодически, арбитражные суды в ряде случаев устанавливают ограничение максимального размера судебной неустойки⁶.

Как видно из материалов обобщения судебной практики, арбитражные суды, устанавливая судебную неустойку, определяют период ее начисления как за один день неисполнения⁷, так и за иные периоды, в частности недели⁸.

По результатам проведенного обобщения можно сделать вывод, что приведенные особенности в установлении размера судебной неустойки носят объективный характер, продиктованный спецификой исполняемого в натуре обязательства. Применяемые судами подходы к определению размера неустойки, в том числе в рассмотренных в ходе обобщения случаях, с учетом конкретных обстоятельств дела не противоречат п. 1 ст. 308³ ГК РФ, поскольку позволяют обеспечить реализацию принципов справедливости и соразмерности.

¹Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 1 февраля 2019 г. по делу № А79-12650/2017.

²Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 июня 2023 г. № 09АП-12394/2023 по делу № А40-266333/2022.

³Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15 июля 2021 г. № Ф04-3477/2021 по делу № А45-13725/2020.

⁴Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17 декабря 2021 г. № Ф08-12283/2021 по делу № А53-35233/2019.

⁵Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 июня 2023 г. № 09АП-12394/2023 по делу № А40-266333/2022.

⁶Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 июля 2017 г. № Ф05-8718/2017 по делу № А40-193078/16, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15 декабря 2022 г. № Ф06-24967/2022 по делу № А65-25274/2021.

⁷Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20 декабря 2021 г. № Ф06-10825/2021 по делу № А55-28413/2020, постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 12 августа 2019 г. № 01АП-4209/2019 по делу № А43-42993/2018, постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 1 февраля 2019 г. по делу № А79-12650/2017, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 июня 2023 г. № 09АП-12394/2023 по делу № А40-266333/2022, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20 декабря 2021 г. № Ф06-10825/2021 по делу № А55-28413/2020.

⁸Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14 сентября 2022 г. № 09АП-55396/2022, 09АП-56897/2022 по делу № А40-258685/2021, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11 февраля 2021 г. № 09АП-72534/2020 по делу № А40-134513/2020, постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 мая 2021 г. № Ф05-11393/2021 по делу № А40-212725/2020.

Судебные расходы

18. Как показало проведенное обобщение судебной практики, отдельного внимания заслуживает вопрос о распределении судебных расходов в случае добровольного удовлетворения ответчиком требований участника (акционера) о предоставлении информации в ходе рассмотрения дела.

При прекращении производства по делу ввиду отказа истца от иска в связи с добровольным удовлетворением его требований ответчиком после обращения истца в суд судебные издержки взыскиваются с ответчика. В случае добровольного удовлетворения исковых требований ответчиком после обращения истца в суд и принятия судебного решения по такому делу судебные издержки также подлежат взысканию с ответчика, на что указано в п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 “О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела”.

Принимая во внимание, что подаче искового заявления о предоставлении информации предшествует обращение участника (акционера) к хозяйственному обществу с требованием о предоставлении информации, при последующем добровольном предоставлении участнику (акционеру) доступа к запрашиваемой информации со стороны хозяйственного общества в ходе рассмотрения дела арбитражные суды, тем не менее, в подобных случаях взыскивают судебные расходы с общества.

При этом суды не делают различий для ситуации, когда добровольное удовлетворение требований участника (акционера) повлекло за собой отказ такого лица от иска и, как следствие, прекращение производства по делу⁹, и для ситуации, когда добровольное удовлетворение требований истца ко дню рассмотрения дела выступило основанием для отказа в удовлетворении иска¹⁰.

При частичном удовлетворении требований участника (акционера) хозяйственного общества о предоставлении информации положения процессуального законодательства о пропорциональном возмещении (распределении) судебных издержек арбитражными судами не применяются ввиду немущественного характера требования¹¹.

⁹Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17 марта 2020 г. № Ф09-830/20 по делу № А60-50801/2018.

¹⁰Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29 марта 2017 г. № Ф09-1182/17 по делу № А60-16294/2016, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 1 марта 2023 г. № Ф08-1139/2023 по делу № А32-8807/2022.

¹¹Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 октября 2022 г. № Ф05-25717/2022 по делу № А41-68012/2021, постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 декабря 2019 г. № Ф05-21366/2019 по делу № А40-25855/2019, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25 сентября 2017 г. № Ф07-9086/2017 по делу № А26-9884/2016, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 4 февраля 2021 г. № Ф03-5965/2020 по делу № А73-6468/2020, постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 февраля 2015 г. № Ф05-16321/2014 по делу № А40-41359/2014-138-341, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22 июня 2022 г. № Ф07-6117/2022 по делу № А56-55675/2021, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23 сентября 2015 г. № Ф09-6189/15 по делу № А50-23738/2014.

Исполнимость судебного акта

19. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что в отдельных случаях у арбитражных судов возникают затруднения с определением способа защиты прав участников (акционеров) на получение информации, при котором обеспечивалось бы реальное исполнение решения суда.

В целях преодоления подобных ситуаций при рассмотрении соответствующих требований арбитражные суды должны учитывать следующее.

Если хозяйственное общество уклоняется от предоставления документов и информации, предоставление которых является обязанностью общества, участник (акционер) общества в соответствии с абз. 8 ст. 12 ГК РФ вправе требовать защиты своего права в суде посредством присуждения ответчика к исполнению обязанности в натуре — возложения на хозяйственное общество обязанности совершить определенные действия по предоставлению доступа к информации и документам.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, данным в п. 22 постановления от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”, при предъявлении кредитором иска об исполнении должником обязательства в натуре суд, исходя из конкретных обстоятельств дела, определяет, является ли такое исполнение объективно возможным. Не может быть отказано в удовлетворении иска об исполнении обязательства в натуре в случае, когда надлежащая защита нарушенного гражданского права истца возможна только путем понуждения ответчика к исполнению в натуре и не будет обеспечена взысканием с ответчика убытков за неисполнение обязательства, на-

пример обязанностей по предоставлению информации, которая имеется только у ответчика, либо по изготовлению документации, которую правомочен составить только ответчик.

Поэтому само по себе отсутствие у хозяйственного общества документов, которые в соответствии с п. 1 ст. 50 Закона об обществах с ограниченной ответственностью и п. 1 ст. 89 Закона об акционерных обществах должны быть составлены и храниться у общества, не может служить основанием для отказа в иске участнику (акционеру).

В том случае, если хозяйственное общество не обладает необходимыми документами и не имеет возможности для их восстановления, оно обязано известить заявителя об отсутствии документов и о причинах их отсутствия, кроме того, причины такого отсутствия, невозможность восстановления и передачи каких-либо документов должны быть надлежащим образом обоснованы и документально подтверждены. В противном случае действует презумпция нахождения документов у хозяйственного общества¹.

При удовлетворении требования участников (акционеров) о предоставлении информации (документов), требующих восстановления, арбитражным судам в соответствии с ч. 2 ст. 174 АПК РФ следует устанавливать срок, до истечения которого документ (его копия) должен быть восстановлен и предоставлен участнику (акционеру).

*(Обобщение утверждено Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
15 ноября 2023 г.)*

¹Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 4 июля 2022 г. № Ф09-3349/22 по делу № А07-20536/2020.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), Астахов С.В., Борисова Е.Е., Глазов Ю.В.,
Давыдов В.А., Дзыбан А.А., Журавлева Е.М., Момотов В.В., Нефедов О.Н.,
Петрова Т.А., Подносова И.Л., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В.,
Хаменков В.Б., Хомчик В.В., Шилохвост О.Ю.

Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ



Подписано в печать 31.01.2024. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,65. Уч.-изд. л. 5,48. Тираж 7071 экз. Заказ 17-2024.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru
